

Военные тайны XX века

Олег Смыслов

Забутые герои войны

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 93/94
ББК -8/63.3

Смыслов О. С.

Забытые герои войны / О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Военные тайны XX века)

Книга Олега Смылова рассказывает о малоизвестных страницах Великой Отечественной войны, о людях и событиях нашей истории. Среди героев этой книги генералы и офицеры, солдаты и моряки – все те, кто приближал победу в войне. Автор не обошел своим вниманием и трагические послевоенные будни инвалидов войны.

УДК 93/94
ББК -8/63.3

© Смыслов О. С., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

От автора	6
Витязь Брестской крепости	7
Поиск героя	7
22 июня 1941 года	9
О том, что было до...	15
Девять дней июня с той стороны	18
«До последней капли крови»	24
Последний бой	26
Плен и после плена	28
«В Брестской крепости остаемся навсегда»	31
Примечания	33
Русский характер	34
«Самое настоящее безумие»	34
Советский танк-одиночка	37
«Битвами испытанный»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олег Смыслов
Забытые герои войны.
Малоизвестные страницы истории

© Смыслов О. С., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

От автора

В древнегреческом слово «герой» означает буквально – «доблестный муж, предводитель». Но мы и сами знаем, что герой – это человек исключительной смелости и доблести, совершивший подвиг (выдающийся, героический поступок). Ведь не зря говорят в народе, что в жизни всегда есть место подвигу. Например, в толковом словаре Ушакова слово «подвиг» трактуется как «доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях». Поэтому обычно цена подвигу – человеческая жизнь, ибо главное отличие героя от бога в том, что он смертен.

За подвиги в годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза были удостоены свыше 11 тысяч человек (часть из них – посмертно). Но кроме этих людей были еще сотни тысяч других героев, оставшихся для нас неизвестными.

Эта книга о героях известных и неизвестных, о Героях Советского Союза и не ставших таковыми по целому ряду причин. Однако всех их объединяет одно: бесстрашием, мужеством и волей они совершили победу над привычными для обывателя страхом и слабостью.

Говорят, что попытка сделать героя бессмертным – устойчивый мифологический сюжет. Что ж, в этом действительно есть истина. Но нельзя забывать и о том, что эти люди совершили свои героические поступки в годы войны, когда стоял вопрос, быть или не быть великому государству и великому народу (территория СССР была территорией исторического государства Российского). Ведь это «было НАШЕСТВИЕ, какого Россия не знала со времен зачатия своего, – напишет в канун очередного юбилея Победы русский писатель Борис Васильев. – По сравнению с ним татаро-монгольское вторжение оказалось всего лишь набегом. Татары не трогали церквей и монастырей...» И пока мы их помним, они действительно остаются в нашей памяти живыми...

В стихотворении, написанном в 1960 году поэтессой Ольгой Берггольц, была рождена поистине знаменитая фраза: «Никто не забыт, ничто не забыто». Впервые ее официально употребили на мемориальной стеле Пискаревского кладбища, где похоронены жертвы Ленинградской блокады. Но в дальнейшем эта риторическая формула-лозунг получила широкую популярность и стала употребляться применительно к подвигу солдат Великой Отечественной войны. Еще какие-то два с лишним десятка лет назад эти слова являлись для нас незыблемым нравственным законом и даже неким мерилom человеческого бытия. Но за это время многое в нашей жизни изменилось. Изменились и ценности. Одним из таких показателей может служить мемориальный комплекс «Брестская крепость». До развала Советского Союза крепость ежегодно посещали более миллиона гостей из самых разных стран. В середине 90-х таких посещений едва набиралось 40 тысяч в год, а сегодня – не более 150 тысяч. А значит, нам нужно делать что-то сейчас, сегодня, чтобы герои и подвиги Великой Отечественной войны никогда не были забытыми.

Витязь Брестской крепости

Поиск героя

В годы войны в руки советского писателя С. С. Смирнова совершенно случайно попала копия донесения штаба немецкой 45-й дивизии, захваченного весной 42-го в районе Орла. В документе говорилось об обороне Брестской крепости, в одном из укреплений которой советские бойцы и командиры оказали врагу беспрецедентное героическое сопротивление. Руководителем обороны там значился неизвестный майор. В том же донесении было указано: «Майора и комиссара не нашли. Говорят, они застрелились».

Летом 1954 года Сергей Сергеевич впервые отправился в Брест и, слив с местностью данные документа противника, сумел найти тот самый «Восточный форт» (земляное укрепление – восточную «подкову»), где шла исключительно упорная борьба под руководством неизвестного командира.

Во вторую поездку в Брест, в феврале 1955-го, Смирнову удалось разыскать одного из защитников «подковообразного земляного укрепления» – командира взвода, лейтенанта Якова Ивановича Коломийца. Он-то и рассказал много интересного об обороне «Восточного форта», которая была, вне всяких сомнений, результатом энергичных действий майора. По словам Коломийца, «это был необычайно волевой человек, прекрасный организатор, испытанный боевой командир, который показывал бойцам пример бесстрашия и мужества и был подлинной душой всей этой обороны, стойко отражавшей натиск фашистов в течение многих дней».

Вот только фамилию майора-героя Коломиец долго вспомнить не мог. Зато ее смог назвать заместитель командира 44-го стрелкового полка по политической части Н. Р. Артамонов: майор Гаврилов, командир 44-го стрелкового полка. При этом, по версии Артамонова, майор Гаврилов погиб в первые минуты войны вместе со своей семьей от попадания авиабомбы в дом командного состава. По версии же Коломийца, майор Гаврилов застрелился, чтобы не попасть в плен.

Но вскоре Смирнов сумел найти еще одного ценного свидетеля. Им оказался военный врач Н. И. Воронович, который лечил раненых. Именно Воронович очень точно запомнил, как 23 июля 1941 года немцы привезли в лагерьный госпиталь только что захваченного в крепости майора. Правда, сначала он, как и Коломиец, долго не мог вспомнить фамилии героя. Но, ознакомившись со списком писателя, подтвердил. Фамилия майора была Гаврилов.

Собрав для дальнейшего поиска все необходимые данные, С. С. Смирнов обратился с ними в Главное управление кадров Советской армии. А уже там писатель узнал: майор Гаврилов Петр Михайлович, командир 44-го стрелкового полка, плененный в районе города Бреста 23 июля 1941 года и освобожденный из плена в мае 1945 года, состоит на учете в Красногвардейском райвоенкомате города Краснодара.

Сергей Сергеевич делает последнее усилие. Он обращается за помощью к одному из участников обороны крепости А. П. Бессонову, работающему в тот момент токарем-шлифовальщиком завода «Краснодарнефть», и просит его зайти в Красногвардейский райвоенкомат Краснодара...

В военкомате Бессонов кратко объяснил суть своего дела. Ответ не мог не порадовать бывшего подчиненного командира 44-го полка: майор Гаврилов действительно состоит на учете в Красногвардейском военкомате. А когда один из офицеров открыл личное дело Гаврилова, где была аккуратно вставлена фотокарточка Петра Михайловича, Бессонов точно убедился, что это он. Записав адрес, бывший солдат решил отправиться к командиру утром.

И вот на следующий день, позавтракав после беспокойной ночи, Анатолий Петрович отправился по указанному адресу. Постояв некоторое время перед дверью, не без волнения постучал. А когда дверь открылась и вышел сам командир полка, вытянулся и непроизвольно доложил:

– Бывший боец 44-го стрелкового полка, которым командовал майор Гаврилов, – перед вами!

После этих слов возникла пауза. На глазах Гаврилова выступили слезы. Его лицо нервно задрожало. Затряслись руки...

22 июня 1941 года

Петр Михайлович Гаврилов в стенах Брестской крепости в тот роковой день оказался случайно. Можно сказать, что так распорядилась сама судьба. А как иначе?

«В субботний вечер 21 июня, – вспомнит командир 44-го полка, – я приехал провести больную жену и сынишку. Но провести с ними воскресный день мне уже не было суждено. На рассвете дрогнула земля, и мы проснулись от невообразимого шума и грохота: это рвались вражеские снаряды и авиабомбы.

Попрощавшись с семьей и наказав им укрыться где-нибудь в подвале, я кинулся в штаб, где хранились знамя полка и секретные документы. Однако войти туда не удалось, все здание, находившееся в самом центре крепости, было объято пламенем».

...Проект крепости на Буге, разработанный военными инженерами Опперманом, Малецким и Фельдманом, был утвержден в 1833 г. Однако впервые предложение о строительстве оборонительных укреплений у слияния рек Буга и Мухавца возникло задолго до Отечественной войны 1812 г. А в ходе нее подтвердилась и целесообразность строительства крепости. Она была торжественно заложена 1 июня 1836 г., а построена в 1842 г., то есть через шесть лет.

Брестская крепость имела площадь около 4 квадратных километров. Ее мощную основу составила Цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Бугом, с юго-востока – Мухавцом, а с севера – его рукавом. Опоясанная сплошной кирпичной казармой и в то же время оборонительной стеной длиной в 1800 метров, крепость насчитывала 500 казематов с подвалами и сетью подземных ходов и была способна разместить до 12 тысяч человек своего гарнизона, защищенных двухметровыми стенами.

Русла двух рек прикрывали Цитадель рвами, заполненными водой. Но основой ее прикрытия стал земляной оборонительный вал, тянувшийся более чем на шесть километров, высотой в десять метров по внешней окружности. Кольцо бастионов и других крепостных сооружений прикрывало крепость с внешней стороны. Брестские и Холмские ворота туннелями выводили из цитадели к мостам через Мухавец и далее на бастионы крепости, а Тереспольские находились против моста через основное русло Буга. Всего же к предместным укреплениям вели четверо ворот.

В 1864 г. крепость усиливают, а в 1878 г. вокруг нее сооружается оборонительный пояс с 9 фортами в нескольких километрах от кольца бастионов. Форты (отдельные железобетонные сооружения) должны были не просто сдерживать противника, но и не допускать ведения по крепости артиллерийского огня.

В самой крепости находились: Белый дворец, Комендантский дом, крепостная церковь, арсенал и Инженерное управление.

На рубеже XIX–XX веков Брест стал крепостью первого класса и главным форпостом России на западной границе.

В конце августа 1915 г. при отступлении русской армии Брестская крепость была оставлена без боя, а ее некоторые оборонительные сооружения взорваны. В том числе и большинство фортов.

В период Гражданской войны и в начале Второй мировой войны отдельные участки крепости также подвергались разрушению. Частично пострадали здания Белого дворца и Инженерного управления. С 1920 по 1939 г. в крепости размещались войска польской армии. При них-то и были значительно восстановлены казарменный фонд крепости и часть фортов.

Более того, они построили дополнительно несколько казарм для солдат и жилые дома для офицеров.

Когда Красная армия вошла в Западную Белоруссию, Брестская крепость, по сути, перестала быть крепостью. Более или менее поддерживались казармы, все служебные и жилые помещения, склады и арсенал. «Это привело к тому, – пишет Борис Васильев, – что земляные валы крепости осели, заросли деревьями и кустарниками, многие рвы обмелели и заболотились. Никаких оборонительных сооружений в ней уже не строилось».

Генерал-полковник Л. М. Сандалов вспоминал: «Осмотр крепости оставил у нас не очень отрадное впечатление. Кольцевая стена цитадели и наружный крепостной вал, опоясанный водными преградами, в случае войны создавали для размещавшихся там войск чрезвычайно опасное положение. Ведь на оборону самой крепости по окружному плану предназначался лишь один стрелковый батальон с дивизионом. Остальной гарнизон должен был быстро покинуть крепость и занять подготовляемые позиции вдоль границы в полосе армии. Но пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа...» Тем не менее к началу войны в Бресте скопилось огромное количество войск, не считая госпиталя. Вследствие чего для размещения личного состава была приспособлена часть складских помещений, а также восстановлены некоторые форты крепости. На нижних этажах казарм даже устраивались нары в четыре яруса, что достаточно четко подчеркивает плотность размещения.

По подсчетам историка Р. Алиева, в ночь на воскресенье, с 21 на 22 июня 1941 года, на территории Брестской крепости находилось около 9 тыс. советских бойцов и командиров. В том числе 1100 несли службу в составе дежурных подразделений. Например, на территории Южного острова находилось около 180 вооруженных бойцов; на Западном острове – 300 пограничников, из которых только половина находилась в состоянии боевой готовности; на Центральном острове – 5000 бойцов и командиров, в том числе 720 были вооружены; на Северном острове – 3400 человек, в том числе около 300 из них в составе дежурных подразделений.

Общее же количество советских войск в Бресте, в его окрестностях и в крепости насчитывало более 32 тыс. человек. Это части и подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии, 22-я танковая дивизия, 132-й конвойный батальон НКВД, 17-й пограничный отряд и отдельные батальоны.

От полного их разгрома в первые дни войны спасло лишь то обстоятельство, что более половины войск было выведено из города на учебный полигон до 22 июня...

Брестская крепость. 1941 г.

В мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» хранится один весьма ценный экспонат. Это обгоревший будильник, стрелки которого остановились от взрыва на 3 часах 55 минутах. Он самый ценный источник начала войны, буквально доказывающий, что фашисты напали на Советский Союз раньше 4 часов. Ибо первые выстрелы на берегу Западного Буга раздались на 30 минут раньше.

Накануне, «21 июня в Брестской крепости были пойманы переодетые в красноармейскую форму диверсанты. Позже оказалось: в крепость проникло большое число диверсантов. В ночь на 22 июня они резали электрические провода, занимали выгодные позиции для стрельбы...»

«22 июня под утро я поднялась покормить годовалую девочку. Тронула выключатель – лампочка не зажглась. Я прилегла – и вдруг гром, свет, рама упала на пол... Муж, схватив португезу с наганом, успел только поцеловать меня и сказать: «В подвал! Детей держи возле себя. Война...» Больше я его не увидела...» – этот маленький эпизод первой минуты войны В. Песков записал со слов Лидии Михайловны Крупиной, приехавшей из Магадана «навещать места 41-го года».

Примерно так было и с майором Гавриловым... Он оставил семью с первыми взрывами снарядов, успев лишь сказать жене: «Одевай Колю и уходите в убежище!»

«Уже в первые минуты после этого неожиданного разбойничьего нападения гитлеровской Германии многие бойцы были ранены и убиты, – свидетельствует Петр Михайлович. – В предрассветной полутьме, среди густой пелены дыма и пыли я с трудом собрал человек двадцать из своих подразделений и бросился с ними к северной части крепости. Здесь у Северных ворот, которые вели на окраину Бреста, должен был сосредоточиться при боевой тревоге полк, которым я командовал. Но крепость уже была окружена гитлеровскими войсками и отрезана от города.

Вражеские стрелки и автоматчики, залегшие на валу у Северных ворот, вели непрерывный огонь. Нужно было принимать срочные меры, чтобы не допустить их в крепость. В это время мне донесли, что на левой стороне от Северных ворот, там, где располагался 1-й батальон моего полка, в укрытиях находится много бойцов из разных частей. Большинство из них, выбегая из объятых огнем зданий, все же сумели захватить с собой оружие и боеприпасы. Среди солдат находились и два лейтенанта. Я немедленно решил взять на себя командование этим отрядом. Разбил бойцов на две роты, назначил лейтенантов Разина (лейтенант Н. А. Разин – командир минометного взвода 44-го стрелкового полка. Ныне живет и работает в г. Москве. Награжден орденом Отечественной войны I степени, член КПСС) и Яковлева (младший лейтенант М. М. Яковлев – командир саперного взвода 44-го стрелкового полка) командирами, отвел районы обороны и определил секторы обстрела. К этому времени, а оно буквально исчислялось минутами, в Западном форту, в укрытиях также сосредоточилось больше сотни бойцов. Находящемуся с ними старшему лейтенанту Сергееву я приказал разбить бойцов на взводы и держать оборону.

На Восточном валу, еще до моего прихода туда, оборону организовал старший лейтенант Самойлов (младший лейтенант А. Е. Самойлов – заместитель командира пулеметной роты 44-го стрелкового полка). Его бойцы притащили станковый пулемет. Не один десяток гитлеровцев нашел могилу от огня этого пулемета. Я избрал себе командно-наблюдательный пункт в 150 метрах восточнее Северных ворот. Встретив там капитана Касаткина, назначил его начальником штаба.

Около полудня ко мне подбежал боец и сообщил, что в Восточном форту скопилось много людей, они ждут распоряжений. Я и капитан Касаткин направились в подковообразное укрепление, где действительно увидели около трехсот человек.

Находившиеся с ними лейтенанты Домиенко и Коломиец уже успели подготовить укрепление к обороне. На весьма удачно выбранной позиции была установлена счетверенная зенитная пулеметная установка, имевшая почти круговой обстрел. В метрах полутора от Восточного форта находилось два зенитных орудия, которыми командовал старший лейтенант Шрамко. В ста метрах западнее – две противотанковые пушки, которыми командовал незнакомый мне молодой лейтенант.

Взяв и эту группу под свое руководство, я разбил силы, находившиеся в Восточном форту, на три роты – правого, левого и центрального крыла, двумя из них командовали лейтенанты Марков и Бородич. Вторым кольцом подковообразного укрепления, где находилась счетверенная зенитная пулеметная установка, командовал лейтенант Коломиец.

Здесь же, в подземных укрытиях Восточного форта, мы разместили свой штаб, оставив, однако, один наблюдательный пункт на Северном валу и второй – на другом конце Восточного форта. Воспользовавшись телефонными аппаратами и кабелями, имевшимися у зенитчиков, Касаткин быстро установил помимо живой телефонную связь со всеми ротами. При штабе имелась рация, с помощью которой мы тщетно пытались установить связь с командованием, с внешним миром... Рация пригодилась нам лишь для приема последних известий и сводок о ходе боев. Тут же, в форту, в укрытии был организован и свой «лаза-

рет» – перевязочный пункт, который возглавляла военфельдшер Раиса Абакумова. Начальником продовольственно-хозяйственного и артиллерийского снабжения я назначил лейтенанта Домиенко, а своим заместителем по политчасти – политрука Скрипника.

Важность наших позиций понимал каждый боец. Когда прошли первые минуты неизбежного в подобных условиях замешательства, люди стали уверенно ждать встречи с врагом. Отряд представлял собой силу, которую очень скоро в полной мере испытали на себе вооруженные до зубов наступавшие немецко-фашистские части.

Едва мы успели сколотить подразделения, как противник предпринял новую серьезную атаку. Она была отбита с большим для него уроном. В полдень фашисты атаковали нас вторично, на этот раз при поддержке танков. Надо иметь в виду, что крепость со всех сторон окружена водными каналами. В нашем районе проход в нее был возможен только через Северные ворота. Сюда и пытались ворваться танки противника.

В неравный поединок с вражескими бронированными машинами вступила группа бойцов во главе с молодым лейтенантом-артиллеристом. Огонь находившегося в укрытии орудия, которым он командовал, не смог преградить путь немецким танкам. Они вырвались к валу и пошли на нас. Тогда лейтенант приказал выкатить орудие на открытую позицию и повел стрельбу прямой наводкой. Уже завертелся на месте один танк, задымил второй... В это время лейтенанта тяжело ранило. Его гимнастерка быстро обагрилась кровью. Но уползти, уйти в укрытие значило дать танкам прорваться. И он вместе с еще одним уцелевшим бойцом остался у орудия. Когда была подбита третья вражеская машина, а остальные повернули обратно, мы увидели, как этот бесстрашный человек упал на землю...

В то время я еще не потерял надежды на соединение со своими войсками и потому приказал начальнику штаба составить приказ о посмертном представлении к званию Героя Советского Союза этого отважного лейтенанта. Все документы тех дней, конечно, погибли, и я сейчас жалею, что не запомнил фамилии лейтенанта-героя.

Уже в первый день нашей обороны, прошедший в непрерывной борьбе, сказались отличная выучка наших солдат и офицеров, их высокий моральный дух. Приходилось не только отражать непрерывные атаки, но и ликвидировать группы противника, то и дело прорывавшиеся в разных местах Кобринского укрепления. В середине дня гитлеровцам, вклинившимся в наше расположение, удалось организовать в северо-западном углу вала свой командно-наблюдательный пункт. Лейтенанту-пограничнику (как пишет участник обороны младший лейтенант Н. Г. Старков, фамилия этого пограничника Ануфриев) с шестью бойцами было приказано уничтожить вражеский командный пункт. Искусно маскируясь, они проползли по-пластунски метров 400 и внезапным штыковым ударом уничтожили группу засевших там гитлеровцев, захватив вместе с их оружием и планшетами несколько ценных штабных документов».

Сегодня нам трудно себе даже представить, что творилось в Брестской крепости в то утро 22 июня 1941 года. Этот день обещал быть ярким и безоблачным. Уже шла война в Бресте, а в Минске еще медленно всходило солнце. С тихих и уютных городских дворишков доносился сладковатый запах жасмина. Легкий утренний ветер шелестел листвой деревьев. Улицы и скверы радовали обывателя океаном цветов. Столица СССР Москва передавала веселые песни, затем – урок утренней гимнастики и передовую статью газеты «Правда».

С утра в почтовых ящиках домов и квартир горожан лежали свежие газеты...

Абсолютно безмятежно отдыхала Москва. Нарком ВМФ адмирал Кузнецов напишет по памяти: «Как всегда в выходные дни, в центре было малоллюдно, редкие прохожие выглядели празднично. Лишь проносились отдельные машины, пугая пешеходов тревожными гудками. Столица еще не знала, что на границах полыхает пожар войны и передовые части ведут тяжелые бои».

Может быть, именно в эти самые минуты на глазах майора Гаврилова смертельно раненный боец М. Яковлев своей кровью писал на стене слова: «Умираю за родину».

О том, что было до...

Петр Михайлович Гаврилов родился 17 (30) июня 1900 года в селе Альведино Пестречинского района Татарской Советской Социалистической Республики в семье казанских татар-крестьян, предки которых при Иване Грозном были обращены в православие. Причем, приняв вместе с верой русские имена и фамилии, они все-таки сохранили многие обычаи, а главное – родной язык. До революции Альведино (Альвидино) значилось как два села: крещеное и русское, так как население первого составляли крещеные татары (кряшены), а второго – русские.

В начале века в Альведино проживало около 700 человек. В селе действовали церковно-приходская школа, два хлебозапасных магазина и три мелочные лавки.

Отец Гаврилова умер в год его рождения, поэтому жизнь его была тяжелой, голодной и проходила в нищете. Подростком он батрачил на баев, а в 15 лет пешком ушел в Казань, где сначала устроился в пекарню, а затем чернорабочим на Алафузовскую фабрику. В 17 лет Петр вступает в отряд Красной гвардии, прочно, по убеждению приняв новую советскую власть. В 1918-м он записывается в 1-й Мусульманский полк, навсегда связав свою жизнь со службой в армии. В Гражданской войне Гаврилов участвует в боях против войск Колчака и Деникина. В дальнейшем служба молодого красного командира, выдвинутого из самой гущи народа, проходит на Северном Кавказе в борьбе с бандитизмом.

В 1922 году Гаврилов вступает в партию, женится на Екатерине Григорьевне и усыновляет мальчика Колю. Осенью 25-го он оканчивает Владикавказскую пехотную школу, а в 39-м – Военную академию имени Фрунзе. Теперь он майор, командир 44-го стрелкового полка 42-й мотострелковой дивизии, которая формируется в Ленинградском военном округе 17 января 1940 г. из отдельных стрелковых подразделений и строительных батальонов Карельского укрепленного района. Уже в феврале она участвует в боях на советско-финском фронте в составе 34-го стрелкового корпуса, после чего ее выводят в резерв. В июне соединение переводят в Эстонию. В июле – в Западный особый военный округ. Весной 41-го – в район Бреста. Так Петр Михайлович Гаврилов оказался рядом с Брестской крепостью, незадолго до 22 июня 1941 года.

К началу войны части 42-й стрелковой дивизии (соединение насчитывало около 8 тысяч человек вместо штатной численности 14 500) были рассредоточены в самых разных местах Брестского района прикрытия № 4. Например, 459-й стрелковый полк, 472-й артполк, 4-й артдивизион и 3-й медсанбат находились в районе Жабинки. Остальные части и подразделения базировались в Брестской крепости и ее окрестностях.

Забегая вперед, необходимо отметить следующее. После начала войны к местам сбора 42-й дивизии ее личный состав прорывался разрозненными группами и с большими потерями. Например, 393-й зенитно-артиллерийский дивизион вышел из крепости всего с тремя орудиями без снарядов. В район Жабинки организованно вышли только два батальона 44-го и 455-го полков, мотострелковая рота 84-го разведывательного батальона и 7 бронемашин. Остальные из тех бойцов и командиров, кто остался жив, вошли в состав сводных групп, занявших оборону в крепости, или присоединились к отряду бойцов и командиров (3000 чел.) 28-го стрелкового корпуса, который дрался с врагом вместе с танкистами 22-й танковой дивизии под Жабенкой. Части, находившиеся восточнее Бреста (459-й полк и 472-й артполк), занимали оборону на рубеже Жабинка – Хведковичи.

К слову сказать, судьбы многих командиров соединений 4-й армии тогда сложились трагически. Так, командир 22-й танковой дивизии генерал-майор В. П. Пуганов погиб в бою 24 июня 1941 года. Командир 6-й стрелковой дивизии полковник М. А. Попсуй-Шапко был расстрелян 31 июля все того же 41-го. Его обвинили в предательстве за то, что не смог удер-

жать Брест. Не обошли стороной обвинения в предательстве и командира (майора Гаврилова) 42-й стрелковой дивизии генерал-майора И. С. Лазаренко. 17 сентября 41-го Военная коллегия Верховного суда СССР установила: «Лазаренко, будучи командиром дивизии, имея данные, свидетельствовавшие об активной подготовке противника к военным действиям, проявил беспечность, не держал войска в состоянии боевой готовности... В первый же момент нападения... Лазаренко проявил растерянность и бездействие... Вместо решительных мер к организации отпора врагу самовольно выехал в штаб корпуса... оставив части дивизии без надлежащего руководства».

Сначала его приговорили к расстрелу, затем помиловали, а казнь заменили 10 годами условно. Только в октябре 1942 г. полковник Лазаренко снова отправился на фронт, где вернул себе генеральское звание и стал Героем Советского Союза. В конце июня 44-го в ходе Могилевской операции Иван Сидорович Лазаренко погиб от прямого попадания снаряда в машину.

Но это будет потом... А пока командир полка майор Гаврилов целыми днями буквально живет со своими бойцами и командирами. Подчиненные его называли «взедливым» начальником, потому что он вникал во все мелочи быта. Вникал дотошно, настойчиво, придирчиво. Он готовил их к войне безжалостно, предчувствуя ее приближение. Личный боевой опыт двух войн, строевой опыт и два военных образования, в том числе высшее, давали ему на это полное право. Знающие Гаврилова командиры считали его грамотным, требовательным, трудолюбивым, заботливым и пунктуальным. Говорят, он был лучшим в своей 42-й стрелковой дивизии. Например, офицер запаса И. Гомозов так охарактеризовал Петра Михайловича в своем письме писателю Смирнову:

«Ночью он часто сидит читает книги о Суворове, рано утром он уже следит за подъемом то одного, то другого подразделения, днем проводит занятия с комсоставом полка, часто цитирует суворовские изречения, требует от личного состава глубоких знаний, больше занятий в поле.

Все знали, что от глаза Гаврилова ничего не ускользнет. Если что-то неладно идет в каком-либо подразделении, Гаврилов тут как тут, и все он видит, и все знает. К концу дня часто можно было видеть Гаврилова угрюмым и задумчивым. Это он был недоволен прошедшим днем. Часто можно было слышать от него выражения недовольства, что, мол, мало сделано за день, не с полной целеустремленностью проведены занятия, и так далее. Гаврилову хотелось быстрее подготовить свои подразделения к будущим боям. Он торопился...»

Известный предатель, бывший генерал Власов был младше Гаврилова всего лишь на год. В Красную армию вступил в 1920-м. Академий не заканчивал. Полком стал командовать в 1938-м. А дальше стремительный взлет, о каком майор Гаврилов и мечтать не мог. Командир дивизии, корпуса, командующий армией, заместитель командующего фронтом. Правда, потом плен и измена. Карьера же Петра Михайловича остановилась 22 июня 1941 года. А дальше был подвиг в Брестской крепости и в немецкой неволе. Майор Гаврилов прошел все с честью. Генерал Власов свою честь продал врагу. И вот здесь следовало бы задуматься: а почему так произошло? В чем разница этих двух военных судеб?

А, наверное, в том, что один служил Отечеству верой и правдой, а другой в этом Отечестве делал карьеру. Так все и было, если внимательно проанализировать две жизни и две биографии. Гаврилов оказался мужественным и профессиональным командиром полка, а Власов – трусливым и слабохарактерным генералом, занимающим чужое место. О подвиге Гаврилова узнали случайно, но прошли годы, прежде чем советский народ услышал об этом витязе Брестской крепости. Образ же Власова как лучшего военачальника Сталина, создававшийся непонятно кем и для чего, рухнул в одночасье.

Если кто-то думает, что сегодня происходит все иначе, то глубоко заблуждается. Власовых на сегодняшний день в России хватает. Но живет ли где-нибудь на ее окраинах очередной Гаврилов, сказать сложно. Об этом мы обязательно узнаем со временем.

Накануне войны майор Гаврилов не раз в своих беседах с бойцами и командирами откровенно говорил, что война вот-вот начнется, так как Гитлеру ничего не стоит нарушить пакт о ненападении. Кто-то из любителей писать доносы на этот раз написал заявление в дивизионную партийную комиссию. Петра Михайловича обвинили в распространении тревожных слухов среди подчиненных. Ему грозило вполне серьезное партийное взыскание. Слушание персонального дела коммуниста Гаврилова было назначено на 27 июня 1941 года. Но гораздо раньше началась война...

Девять дней июня с той стороны

Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан в своих мемуарах точно воспроизводит время начала войны. В 3 часа 15 минут началась артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 минут – первый налет пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 минут началась переправа через Буг передовых частей 2 немецких танковых дивизий. В 4 часа 45 минут первые немецкие танки форсировали реку.

Через четыре минуты после начала артподготовки штурмовой отряд немцев в составе пехотной роты и саперов на 9 резиновых моторных лодках приступил к выполнению поставленной задачи по захвату мостов. А еще через 11 минут вторая пехотная рота противника с саперами взяла железнодорожный мост через Буг. Всего же немцам понадобилось 45 минут, чтобы с огромными потерями захватить два моста, соединяющие Западный (Пограничный) и Южный (Госпитальный) острова с центральной частью Брестской крепости – Цитаделию. На взятие же крепости военачальники Гитлера планировали не более восьми часов, но неожиданное ожесточенное сопротивление и огромные потери сорвали эти планы.

В течение дня 22 июня германская 45-я пехотная дивизия при штурме крепости потеряла лишь убитыми более 300 человек. Эти потери для нее оказались небывалыми.

В районе Трехарочных ворот оборону возглавил капитан Зубарев, в северной и северо-восточной частях Цитадели – лейтенант Виноградов; у Тереспольских ворот – старший лейтенант Потапов, на Кобринском укреплении – майор Гаврилов.

Командир 45-й пехотной дивизии вермахта генерал-майор Фриц Шлипер только 8 июля 1941 года подпишет боевой отчет о взятии Бреста. День 22 июня в этом документе выглядит так:

«Первоначально ошеломление русских артиллерией и огнем метательных аппаратов и очень энергично осуществляемым нападением пехоты дало в итоге следующие успехи:

1) Железнодорожный мост через р. Буг был взят в результате смелой вылазки, взрывчатка удалена и мост вместе с другим мостом меньшего размера обезопасены. Переход войск по железнодорожному мосту стал возможен.

2) Наступление 130-го пехотного полка южнее крепости и города Брест-Литовска привело к тому, что до обеда были заняты неповрежденными важные для прохода первой танковой колонны мосты через р. Мухавец юго-западнее и юго-восточнее города; штурмовые лодки 81-го саперного батальона, которые поднялись вверх по течению р. Мухавец, сыграли значительную роль при взятии мостов. Мосты удерживались против русских контрударов, в которых использовались танки, при этом 12 русских танков было уничтожено усиленным 130-м пехотным полком.

3) Мост через р. Буг на южной окраине крепости был быстро наведен; кроме того, 81-й саперный батальон под огнем противника построил 8-тонный временный мост на северной окраине крепости.

Однако очень скоро (около 5.30–7.30) стало ясно, что позади наших прорвавшихся вперед рот русские сформировались и начали очень упорно и стойко защищаться как стрелковым оружием, так и с использованием находящихся в крепости 35–40 танков и бронированных разведывательных машин; при этом выяснилось, что они хорошо обучены снайперскому мастерству в стрельбе с деревьев, с крыш и из подвалов и, достигая при этом большой скорострельности, вскоре причинили нам большие потери в офицерах и унтер-офицерах. Страх быть расстрелянным при взятии в плен – как комиссары учили солдат – вероятно, очень способствовал решению защищаться до последнего.

В ранние предобеденные часы стало ясно, что артиллерийская поддержка ближних боев в крепости невозможна, так как наша пехота тесно переплелась с русской и наши бое-

вые порядки в сплетении построек, кустов, деревьев, развалин частью невозможно определить, а частью они даже отрезаны или окружены русскими очагами сопротивления. Многократные попытки действовать отдельными орудиями, танками и легкими гаубицами стрельбой прямой наводкой не удавались из-за недостаточного обзора и из-за угрозы поразить своих солдат и, кроме того, из-за большой толщины стен крепости.

Также ничего не смогла сделать и проходившая после обеда мимо крепости батарея «штурмовых орудий», которую командир 133-го пехотного полка по собственной инициативе подчинил себе. Также и введение в бой новых сил 133-го пехотного полка (до этого резерв корпуса) на Южном и на Западном островах начиная с 13.15 не принесло изменения ситуации: там, где русские изгонялись, выкуривались из подвалов, домов, канализации и других закоулков, появлялись новые и стреляли превосходно, так что наши потери увеличивались.

Для уничтожения русских танков, которые могли прорваться из крепости в сторону города, и для зачистки города севернее Северного острова в сторону ж/д станции (северо-западнее города Брест-Литовска) был выведен 45-й истребительно-противотанковый дивизион (без одной роты – она была придана 130-му пехотному полку), где дивизион многократно имел возможность поражать русские танки.

Около 13.50 командир дивизии, находившийся в 135-м пехотном полку (Северный остров), лично убедился в том, что ближним (рукопашным) боем крепость не взять, и решил около 14.30 отвести свои войска с тем, чтобы крепость была окружена со всех сторон и затем (ориентировочно после ночного отступления, начиная с раннего утра 23.6) провести тщательно пристрелянный и наблюдаемый разрушительный огонь, который должен изнурить и уничтожить русских. Это решение было в 18.30 вполне определенно одобрено главнокомандующим 4-й армией. Он не хотел ненужных потерь, т. к. движение немецких войск по шоссе и железной дороге уже сейчас стало возможным; воздействие на них противника допускать было нельзя, а в остальном русских следовало выморить голодом.

Вечером 22.6 были отданы приказы на выход из крепости и ее окружение 133-м пехотным полком с 1-м дивизионом 98-го артиллерийского полка (город Брест) и 2-м дивизионом 98-го артиллерийского полка с запада, юга и востока, и 135-м пехотным полком с 3-м дивизионом 98-го артиллерийского полка с севера, в основном на внешнем валу.

Для ведения поражающего огня упомянутый выше 854-й частично моторизованный дивизион 21-см мортир (12 орудий), находящийся на позициях в районе 31-й дивизии, был подчинен 45-й дивизии. Три стационарных мортиры 34-й дивизии, были также подчинены 45-й дивизии, но из-за недостатка персонала и средств связи они не могли быть использованы; однако их боеприпасы были подвезены и использовались для усиления огня».

Второй день войны – 23 июня: «Ночью части 133-го и 135-го пехотных полков, проникшие в Цитадель, были отведены, согласно приказу, на блокадную позицию. Неприятным при этом было то, что русские тотчас вновь заняли оставленные районы, и далее, что группа немецких солдат (пехотинцы и саперы, сначала, конечно, их число не было известно) осталась заблокированной в церкви цитадели (Центральный остров); время от времени с ними существовала радиосвязь. Впрочем, они имели при себе и несколько русских пленных.

С 5.00 ч. по Центральному острову и южному краю Северного острова велась наблюдаемая стрельба на разрушение, состоящая попеременно из тщательного разрушения артиллерийским огнем тяжелых орудий и сильных огневых налетов, во время огня активность русских стрелков на деревьях убавлялась, чтобы в большинстве случаев немедленно снова настойчиво и успешно оживать при приостановлении обстрела; распознавание стрелков, превосходно скрываемых камуфляжной формой, было очень трудно.

Примерно в 9.00 ч. от А.О.К.4 прибыл обещаемый автомобиль пропаганды с динамиком, который должен был разъяснять русским бесполезность их сопротивления и призывать

их к сдаче в плен. Несмотря на его действия, дивизия пыталась подчинять проходящие мимо танки, так как было видно, что только с их помощью была возможна эффективная зачистка островов, избегая бесполезных потерь.

Между тем продолжалась планомерная стрельба на разрушение. К 14.00 ч. к командному пункту дивизии прибыли сначала малая, затем большая автомашины пропаганды с динамиком; после составления соответствующего текста они в соответствии с господствующим направлением ветра были посланы к I.R.135 (Северный остров) и там, после того как в 17.00–17.15 ч. было проведено сильное сосредоточение огня, должны были призывать русских к сдаче в плен, установленный срок сдачи – через 1,5 часа.

В самом деле, по этому призыву, в то время как артиллерийский огонь молчал, внезапно, с 18.30 ч., сдалось примерно 1900 русских; таким образом, возникало впечатление, что воля русских к сопротивлению существенно ослаблена и что при повторении артиллерийского огня и акции пропаганды Цитадель падет без дальнейших потерь. Поэтому вечером агитационный автомобиль посылался еще к LR.133 (Южный остров), чтобы там также призывать к передаче. Однако здесь пропаганда не помогла, так как русские с наступлением темноты предприняли мощные попытки прорыва в направлении города на северо-восток и восток и очень сильный артиллерийский и пехотный заградительный огонь со всех сторон заглушал динамики».

Третий день войны – 24 июня: «После попыток прорыва и оживленного огня русских ночью стало ясно, что сдались лишь несколько не желающих воевать частей русских, а другие части, полные решимости продолжать борьбу, отказывались от какой-либо капитуляции; по высказываниям пленника, это были офицеры и комиссары, они то сами давали письменное обязательство сопротивляться до последнего, то принуждали к выдержке своих солдат, угрозой и запугиванием тем, что немцы расстреляют их в любом случае.

Командир дивизии решил, обеспечивая движение по магистрали и железнодорожному мосту, снова начать артиллерийский огонь, проводимый как медленная стрельба на разрушение попеременно с самыми сильными сосредоточениями огня. Между тем при приостановлении обстрела снова и снова должны были раздаваться призывы к сдаче в плен, чтобы подтачивать русский боевой дух.

Это решение определенно одобрено в беседе командира дивизии с начальником штаба А.О.К.4, передавшего требование командующего не лить бесполезно никакую кровь, необходимо лишь гарантировать движение на танковой магистрали.

Решение продолжать артиллерийский огонь было тяжелым, так как в церкви цитадели еще держались окруженные и при случайной радиосвязи просили о помощи; чтобы уменьшить потери, район вокруг церкви цитадели пришлось оставить свободным от обстрела и отказаться от использования реактивных установок, еще стоящих в боевом положении примерно с 150 метательными снарядами. В течение первой половины дня сдались отдельные русские.

На 11.30–11.45 ч. было предусмотрено новое мощное сосредоточение огня с последующим приостановлением обстрела и призывами к сдаче с использованием динамика. Незадолго до этого с окруженными в церкви цитадели вновь удалась радиосвязь, и стало известно, что там держатся еще минимум 50 солдат, частью раненных и крайне изнуренных. Вследствие этого было быстро принято решение: приказано во время «пропагандистской» отсрочки в 11.45 ч. (в это время артиллерийский огонь должен был стихнуть) сильным налетом штурмового подразделения I.R.133 внезапно прорваться к церкви цитадели, чтобы спасти окруженных.

Используя особенно впечатляющий огневой налет в 11.30–11.45 ч., I.R.133 удалось спасти примерно 50 окруженных и одновременно взять Центральный остров, кроме несколь-

ких зданий; также I.R.135 была взята западная часть Северного острова, позже II/ I.R.133 – Южный остров; при этом взято 1250 пленных.

На Центральном острове русские гнезда сопротивления остались в нескольких частях зданий и так называемом Доме офицеров, а в восточной части Северного острова (восточнее дороги с севера на юг) – в основном вал у Северного моста (укрепление 145) и Восточный форт.

При чистке Центрального острова во второй половине дня русские пытались вырваться силами примерно до роты на восток в район мостов магистрали № 1 над Мухавцом, они были уничтожены. Оживленная огневая активность русских из их гнезд сопротивления позволяла ожидать ночью новые попытки прорыва. Поэтому для обеспечения слабого места линии окружения между I.R.135 и III/I.R.133 ночью был вдвинут еще 45-й разведывательный дивизион. В самом деле, ночью русские пехотинцы и танки пытались вырваться, но были отбиты.

Дивизионный командный пункт переносился из Тереспоя в Брест-Литовск».

Четвертый день войны – 25 июня: «С раннего утра продолжалась зачистка гнезд сопротивления, причем командиру I.R.135 для зачистки Северного острова были приданы еще II./ I.R.130 и Aufkl. Abt.45 с III./I.R.133. Действие артиллерии стало невозможным из-за узости районов. Пехотные средства из-за силы кладки были бесполезны; действия тяжелых танков или штурмовых орудий были бы успешными, однако их не было. Еще исправный огнемет 81-го саперного батальона не мог приближаться к домам без бронированного огневого прикрытия. Поэтому дивизия пыталась привести в боевую готовность несколько захваченных русских бронев автомобилей, что ожидалось к 26.6. Кроме того, ночью по предложению А.О.К.4 был придан бронепоезд № 28 (3 французских танка Somua), чье использование ожидалось не ранее чем 26.6. Для исключения фланкирования из Дома офицеров на Центральном острове по Северному острову, действовавшего очень неприятно, 81-му саперному батальону с группами подрывников поручили зачистить этот дом и другие районы крепости. С крыши дома были доставлены и подорваны на уровне оконных проемов подрывные заряды; слышали крики и стоны раненных подрывами русских, но они продолжали стрелять. Таким образом, день прошел с постоянными ближними боями и приведением в готовность танков».

Пятый день войны – 26 июня: «На Центральном острове 81-й саперный батальон проводил подготовленный большой подрыв; из дома, боковая стена которого (метровая, из кирпичной кладки) разрушалась, извлекались примерно 450 пленных, которые частично принадлежали к коммунистической школе руководителей. Вместе с тем устранялась фланкировка против Северного острова. Поэтому затем могла проводиться зачистка Северного острова, где как гнездо сопротивления оставался только лишь Восточный форт; к нему нельзя было приблизиться средствами пехоты, так как ведущийся из глубокого рва с многочисленными капонирами и из подковообразного двора превосходный винтовочный и пулеметный огонь сбивал каждого приближающегося.

Оставалось только решение принуждать русского голодом, и прежде всего жаждой, к капитуляции и применять сверх того все средства, ускоряющие его истощение, кроме всего прочего, такие как постоянный беспокоящий огонь тяжелых минометов (чтобы препятствовать его передвижению по рву или двору), обстрел танками в упор, передача призыва выкриком (мегафон) или метание листов в ров с верхней кромки. Французские и русские трофейные танки еще не были готовы к применению».

Шестой день войны – 27 июня: «Благодаря перебежчику из Восточного форта стало известно, что там защищаются примерно 20 офицеров и 370 рядовых с четырехствольным пулеметом, 10 легкими пулеметами, 10 автоматами, 1000 ручных гранат, имеющих достаточно боеприпасов и продовольствия. Воды мало, однако ее добывают из выкопанных дыр.

Также в форту находятся женщины и дети. Душа сопротивления – это майор и комиссар, главные силы окруженных принадлежат 393-му зенитному дивизиону (42-я дивизия).

Наконец, к полудню могли быть задействованы французский танк Somua (2 танка бронепоезда № 28 были не готовы к выезду) и русский захваченный танк (второй был исправен только условно из-за частых дефектов мотора); из-за их огня в бойницы и окна русский стал существенно тише, но окончательный успех не был достигнут.

В дальнейшем было восстановлено штурмовое орудие (оставшееся лежать в поврежденном состоянии 22.6 на Северном острове), (частично удаленный замок приведен в исправность), подготовлен к выезду, приготовлен и поднесен необходимый боезапас. Чистились оставшиеся гнезда сопротивления (отдельные русские, которые снова и снова стреляли из самых невероятных убежищ, таких как мусорные ведра, кучи тряпья и т. д.). Из Восточного форта все еще отстреливались».

Седьмой день войны – 28 июня: «Продолжался обстрел Восточного форта при помощи танка и вполне боееспособного теперь штурмового орудия, но безуспешно. Поэтому командир дивизии распорядился установить связь с летчиками на аэродроме Малашевичи, чтобы выяснить возможность бомбардировок. Результат: бомбы могут бросаться, для этого необходим отвод собственных подразделений за внешний вал и до Западного форта. Отвод проводился во второй половине дня под тщательным огневым прикрытием, чтобы из Восточного форта не смог вырваться русский. К сожалению, приближающаяся глубокая облачность сделала бомбардировку 28.6 невозможной. Тесное блокирование Восточного форта было восстановлено; ночью для освещения Восточного форта использовались русские прожекторы (частью из автомобильных фар).

Русский все еще отвечал на каждое неосторожное сближение.

Введенные в бой в цитадели силы уменьшились, чтобы частично позволить подразделениям необходимый отдых».

Восьмой день войны – 29 июня: «С 8.00 ч. летчики бросали несколько 500-кг бомб, не оказавших никакого действия, как и новый оживленный обстрел Восточного форта при помощи танка и штурмового орудия, хотя кладка была несколько разрушена.

На 30.6 подготавливалось нападение с бензином, нефтью и смазочным материалом, который должен был скатываться в бочках и бутылках во рвы форта и зажигаться ручными гранатами или сигнальными боеприпасами.

Во второй половине дня авиация повторяла бомбардировки 500-кг бомбами. Когда при этом была сброшена и 1800-кг бомба, попавшая в угол стены рва и потрясшая своим взрывом также и город Брест, русские уступили: выпустив первоначально женщин с детьми, вечером сдались 389 человек – теперь они получили от своего руководителя, майора, разрешение на сдачу. Они не были ни в коем случае потрясены, выглядели сильными и хорошо накормленными и производили впечатление дисциплинированных. Майор и комиссар не были найдены, они были обязаны застрелиться».

Девятый день войны – 30 июня: «Ранним утром Восточный форт полностью осматривался, было извлечено несколько русских раненых и лежащих перед ним мертвых немецких солдат. Было найдено достаточно боеприпасов. Отдельные непросматриваемые помещения были выжжены. На всем протяжении операции командование всегда могло пользоваться кроме радиосвязи также и проводной связью, которую образцово поддерживал 65-й батальон связи, вопреки многочисленным водным преградам и постоянному вражескому огню».

Далее немецкий генерал подводил итоги, констатируя, что с 22 по 29 июня крепость и город Брест заняты в результате тяжелых боев дивизии. Движение на восток по железной дороге и танковой дороге (так они называли ту нашу дорожную сеть) стало не только возможным, но и надежно прикрытым. И второй итог: крупные силы двух русских дивизий (6-й и

42-й) уничтожены. Только пленными немцы насчитали: 101 офицера и 7122 солдата. Скрупулезно подсчитали они и трофеи:

«а) Оружие:

14 576 винтовок

1327 пулеметов

27 минометов

15 орудий 7,5-см

10 орудий 15-см

5 гаубиц 15-см

3 пехотных орудия

6 зенитных орудий

46 противотанковых орудий

18 прочих орудий

б) Лошади: 780 лошадей

с) Автомобили:

36 танков и гусеничных тракторов, примерно 1500 автомобилей, в большинстве случаев непригодных».

Потери 45-й пехотной дивизии, по ее собственным подсчетам, составили: убитыми и пропавшими без вести – 32 офицера и 421 солдат. Ранеными оказались: 31 офицер и 637 солдат. И все это оправдывалось с немецкой педантичностью, прежде всего сопротивлением противника: «Русские сражались в Брест-Литовске неимоверно выносливо и стойко, показали отличную солдатскую выучку и в большинстве своем проявили заслуживающую уважения готовность сражаться».

«До последней капли крови»

Итак, командир 45-й пехотной дивизии вермахта официально объявил об окончании боевых действий в Брестской крепости 8 июля 1941 года, указав дату 29 июня. Сам майор Гаврилов, по памяти, этот день опишет так: «Рано утром почти вплотную к Северным воротам подъехала немецкая машина с радиорупором. На русском языке нам был предъявлен ультиматум: или капитуляция, или авиация сметет крепость с лица земли... На размышление был дан один час.

На созванное в это время партийное собрание... явились не только коммунисты и комсомольцы, но и все, кто мог, из бойцов. Сообщение мое было кратким:

– Нам обещают, – сказал я, – сохранить жизнь. Перед нами выбор: жизнь в фашистском плену или смерть в бою. Капитулировать – значит изменить Родине. А мы давали присягу сражаться за нее до последней капли крови. Я, майор Гаврилов, коммунист и ваш командир, остаюсь здесь. Пусть свое слово скажут коммунисты...

Каземат, в котором проходило это необычное собрание, наполнился гулом голосов:

– Изменников и трусов среди нас нет!

– Будем драться до конца... <...>

Нам был дан лишь один час, а мы хорошо знали немецкую точность. Рядовой Макаров записывал в протокол фамилии, я, Касаткин и другие члены партии тут же давали рекомендации. В числе тех, кто стал коммунистом: командир роты Терехов, медсестра Абакумова и многие другие, отличившиеся в бою.

Ровно через час, убедившись, что защитники крепости не намерены поднимать белый флаг, фашисты начали новую ожесточенную бомбежку, которая длилась несколько часов. От разрывов крупнокалиберных бомб сотрясалась земля, раскалывались и рушились здания. И хотя наш гарнизон был укрыт в капитальных подземных помещениях, мы понесли большие потери. Едва кончилась бомбежка, как все, кто остался в живых, несмотря на ранения и контузии, вновь оказались на своих местах. Всюду, где было особенно тяжело, появлялись коммунисты, в том числе и те, которые только этим утром вступили в ряды партии.

Гитлеровцы, уверенные в том, что они сломали волю защитников крепости к сопротивлению, ринулись в атаку без обычных предосторожностей. Но гарнизон жил и боролся. Бойцы Восточного форта открыли по фашистам пулеметный и ружейный огонь, забросали их гранатами. Неприятель снова вынужден был повернуть вспять.

Тогда фашисты пошли на крайнее средство. Они стали сбрасывать в фортовые окопы все, что могло гореть: масло, бензин, поджигали бочки и бутылки с горючим, пустили в ход огнеметы. Так прошел воскресный день 29 июня.

Утром следующего дня нас ждало новое испытание: озверевшие от неудач фашисты стали забрасывать двор и фортовые окопы бомбами со слезоточивыми газами. Но и в противогазах, напрягая последние усилия, наши бойцы продолжали вести ожесточенные бои, не давая врагу добиться своей цели.

Видя всю бесполезность подобных усилий, гитлеровцы решили всерьез сдержать данное ими обещание – стереть крепость и ее защитников с лица земли. В тот же день, 30 июня, была предпринята невиданная до сих пор бомбежка. К исходу дня, когда все вокруг пылало, гитлеровцы ворвались в расположение нашего гарнизона. Те, кто уцелел, в большинстве своем раненые и контуженые, были захвачены в плен. Но некоторым защитникам форта все же удалось укрыться в подземных убежищах. В их числе был и я».

После самой страшной немецкой бомбежки их осталось всего 20 человек с четырьмя пулеметами и с достаточным количеством боеприпасов и гранат. Не хватало только продовольствия. Сто граммов сухарей в день – это все, что могли позволить себе последние защит-

ники Бреста. Начался новый этап борьбы, когда днем они прятались в казематах, а ночью вели прицельный огонь по противнику. При этом Гаврилов и его бойцы все еще надеялись прорваться на северо-восток Бреста к Беловежской Пуще.

Прошло целых десять дней, прежде чем стычка со случайно оказавшимися рядом немецкими пулеметчиками выдала их. Это было 12 июля. Немцы подняли нештучную тревогу и атаковали. В этом бою погибло 9 бойцов.

Воспользовавшись паузой, которая могла закончиться с рассветом, Петр Михайлович с двумя уцелевшими бойцами снова укрылся в подземных щелях. Тогда и было принято решение этой же ночью прорываться сквозь окружение в разные стороны: на юг, на восток и на запад. Но попытка прорыва, когда все одновременно бросили по гранате и пустились бежать, не увенчалась успехом. Гаврилов остался один, пробившись лишь в северозападную часть крепости:

«У меня оставался один выход: вновь укрыться в одном из подземных казематов и дожидаться, пока фашисты снимут блокаду крепости. После долгих поисков я остановил свой выбор на маленьком угловом каземате близ полковой конюшни с двумя бойницами, дававшими хороший обзор местности и возможность отстреливаться. А чтобы не быть обнаруженным через дверь, я притащил в угол каземата кучу сухого конского навоза и замаскировался.

В этом убежище я скрывался три дня, пока нестерпимый голод не заставил меня отправиться на поиски какой-либо пищи. Так как я находился вблизи конюшни, то решил поискать что-нибудь из фуража. В темноте мне удалось нащупать в одном из помещений куски комбикорма. Я стал грызть их.

Затем по-пластунски дополз до обводного канала и напился. Так продолжалось несколько дней. Но затхлая, стоячая вода и пища, состоящая наполовину из мякины и рубленой соломы, сделали свое дело: у меня начались страшные рези в желудке.

Временами от голода и слабости я впадал в полузабытье. В минуты прояснения сознания передо мной с какой-то необычайной отчетливостью проходила вся моя жизнь. <...>

Лежа с закрытыми глазами в углу каземата, вспомнил десятки родных лиц – бывалых комбатов, опытных командиров, молоденьких лейтенантов, рядовых бойцов и сержантов. Многих, очень многих я знал по фамилии, почти всех – в лицо. Где они сейчас? Что с ними? Чего бы я ни отдал, чтобы оказаться вместе со всеми людьми, разделить с ними общую судьбу, как бы тяжела и трагична она ни была.

Нет, не смерть меня страшила тогда. С мыслью о ней, как о неизбежной, все мы, защитники крепости, давно примирились. Тяжело было умереть безвестным, вдали от своих, окруженным и затравленным врагами. «Только подороже отдать свою жизнь, – размышлял я, – это последнее, что ты можешь сделать для родной страны, для своего народа».

И рука, даже в часы забытья, инстинктивно нащупывала оружие, которое у меня осталось: два заряженных пистолета и пять гранат... С ними я собирался достойно встретить свой смертный час».

Сегодняшний сытый обыватель, сидящий на диване в квартире своих родителей у телевизора или за компьютером в очередном офисе в качестве планктона, скорее всего, покрутит своим белым, мягким и пушистым пальчиком у виска. Ему сложно понять майора Гаврилова. Вот сотрудничество генерала Власова с немцами как-то более доступно современному интеллекту. Понять же человека, умирающего от голода и сражающегося до последнего патрона, до последней капли крови под ежеминутным страхом смерти в крепости, которая давно взята, это звучит скорее фантастически и как-то совсем за пределами. Но ведь очень многое из нашего прошлого, что когда-то не вызывало не то чтобы удивления, а было той самой нормой именно для русского и советского человека, теперь удивляет. И действительно, есть в жизни доступное одним и недостижимое для других!

Последний бой

Гаврилов не терял надежды выбраться из крепости. Он продолжал бороться за жизнь, но был уверен, что если придется, то отдаст ее как можно дороже.

День за днем Петр Михайлович ел комбикорм, а ночью пил воду из канала до тех пор, пока не началась острая резь в желудке, которая постепенно причиняла ему нечеловеческие страдания. И что он только не делал, чтобы не выдать себя. Удерживаясь от стонов, он кусал губы, но снова впадал в полузабытье, а приходя в себя, с трудом шевелил руками.

Однажды он очнулся от громких голосов: «Гитлеровцы разговаривали совсем рядом и шли прямо в мой каземат. Их, очевидно, привлекли мои стоны: они и меня самого часто заставляли пробуждаться. У моей двери раздались шаги кованых сапог. Значит, наступил мой последний бой. Я собрал остаток сил и, приподнявшись на локте, нажал на спусковой крючок пистолета. По раздавшимся воплям понял, что обойма выпущена не впустую.

Я не помню, сколько времени продолжался этот последний бой: может быть, час, а может быть, и дольше. Снаружи меня укрывали метровой толщины стены, а пулеметные очереди, пускаемые в амбразуры, поразить не могли. Это, конечно, отлично понимали фашисты. То и дело доносились их выкрики: «Рус, сдавайс!» Я молчал. Голоса приблизились к самым амбразурам. Тогда в одну и в другую я кинул по гранате. Одновременно со взрывами вновь раздались истошные крики, проклятья и стоны. Затем все это отдалилось и наконец стихло. Видимо, раненых унесли.

Я весь сосредоточился на одном: как эффективнее израсходовать оставшиеся у меня гранаты и последнюю обойму ТТ.

Герой Советского Союза П. М. Гаврилов

Тишина продолжалась недолго. Гитлеровцы дважды пытались подобраться к каземату с внешней стороны, с тыла, от дверей. У меня в обойме оставалось еще три патрона, но пустить их в ход мне уже не удалось. Неожиданно раздался страшный грохот, по глазам полоснуло пламя, и я потерял сознание».

Пройдут десятилетия, прежде чем в 2012 году Музеем обороны Брестской крепости передадут копии уникальных документов, найденных немецкими историками в Федеральном военном архиве Фрайбурга. Согласно им, майора Гаврилова действительно взяли в плен 23 июля 1941 года солдаты из охранного батальона. Там же говорится, что Петр Михайлович стрелял из пистолета и ранил пятерых немецких солдат. При этом фамилия «Гаврилов» в документах не фигурирует. Там написано, что «арестовали старшего лейтенанта». И еще. Когда командира 44-го полка захватили, Брестская крепость была еще раз прочищена. Кроме семи трупов советских бойцов, там больше никого не обнаружили. Таким образом, можно утверждать, что майор Петр Михайлович Гаврилов был самым последним защитником Брестской крепости.

Плен и после плена

Майор Гаврилов очнулся в немецком госпитале. Рядом с ним лежали раненые советские военнопленные. Лечили их свои же пленные врачи. Именно от них Петр Михайлович и узнал дату своего пленения – 23 июля 1941 года...

Когда Гаврилова привезли в госпиталь, то врач Н. И. Воронович запомнил его таким: «Пленный майор был в полной командирской форме, но вся одежда его превратилась в лохмотья, лицо было покрыто пороховой копотью и пылью и обросло бородой. Он был ранен, находился в бессознательном состоянии и выглядел истощенным до крайности. Это был в полном смысле слова скелет, обтянутый кожей. До какой степени дошло истощение, можно судить по тому, что пленный не мог даже сделать плотательного движения: у него не хватало на это сил, и врачам пришлось применить искусственное питание, чтобы спасти ему жизнь.

Но немецкие солдаты, которые взяли его в плен и привезли в лагерь, рассказали врачам, что этот человек, в чьем теле уже едва-едва теплилась жизнь, всего час тому назад, когда они застигли его в одном из казематов крепости, в одиночку принял с ними бой».

После первого допроса Гаврилова снова принесли в госпиталь, уложили на ту же койку и больше не допрашивали. Но нужно было что-то делать, чтобы Петра Михайловича можно было успеть подлечить. И тогда лечащие врачи Ю. В. Петров и И. К. Маховенко заявили немцам, что пленный майор заболел тифом. Гаврилова тут же перевели в тифозный барак, где он провел несколько недель. Туда фашисты не показывались. Когда же он начал ходить, то те же врачи пристроили его работать в одной из лагерных кухонь. Благодаря им Гаврилов смог поправиться и выжить. А весной 1942 года лагерь для советских военнопленных в Южном военном городке Бреста расформировали, и Петр Михайлович после скитаний по другим лагерям оказался в Хаммельбурге в Офлаге 62 (XIII D).

К слову сказать, летом 1941 года вермахт оборудовал всего один лагерь для офицеров Красной армии на территории рейха. Он размещался в районе полигона Хаммельбург в Нижней Франкии к северу от Вюрцбурга, где уже во время Первой мировой войны находился лагерь для военнопленных.

Предположительно во второй половине июля 1941 года в этот лагерь прибыли первые эшелоны пленных. Численный состав там рос быстро: 10 августа в Хаммельбурге находилось 4753 офицера. Поскольку осенью 1941 года среди советских военнопленных разразилась эпидемия сыпного тифа и большинство лагерей было поставлено на карантин, Хаммельбург закрыли. Только с апреля 1942 года туда опять стали прибывать эшелоны с пленными.

В середине августа 1941 года в Хаммельбург прибыла группа сотрудников тайной государственной полиции (гестапо) для того, чтобы выявить среди пленных так называемых «особо опасных элементов» (политработников, интеллигентов и евреев). До лета 1942 года было выявлено и расстреляно в концлагере Дахау не менее 1100 офицеров.

В общей сложности в этом лагере было зарегистрировано 18 000 советских офицеров.

По воспоминаниям одного из советских военнопленных офицеров, в центре Офлага «находилось десятка полтора двухэтажных кирпичных казарм, складов, конюшен и административных зданий, а во все стороны расползались улицы стандартных деревянных, в основном трехкомнатных, барачков. Лагерь был разделен на 9 блоков, из них 3 русских. С прибытием нашей группы население этих русских блоков стало около четырех тысяч человек. Все три русских блока и один блок, где находились казармы немецких солдат охраны, были по одну сторону центральной части, а по другую был лагерь английских, канадских и американских пленников офицеров. Эти блоки были совершенно изолированы...»

В этом лагере немцы пытались использовать и профессиональные знания советских командиров. Например, там был создан военно-исторический кабинет, который возглавлял полковник Захаров. В работе кабинета также участвовали комбриг М. В. Богданов, комбриг А. Н. Севастьянов, полковник Н. С. Шатов, подполковник Г. С. Васильев и еще до 20 полковников и подполковников. Кабинет просуществовал до весны 1943 года, а затем был переведен в Нюрберг. Все участвующие в его работе находились на особом довольствии и получали особый паек.

«С июня 1942 г. всех пленных офицеров Красной армии от младшего лейтенанта до полковника включительно, имевших гражданские специальности, стали отправлять на работу в военную промышленность. Из Офлага Хаммельбург многих офицеров отправляли на авиазаводы «Мессершмитт» в Регенсбурге. В марте 1943 г. на заводе работали две тысячи советских военнопленных офицеров. Примерно треть из них – военнослужащие ВВС Красной армии, в основном авиатехники. Остальные две трети – из разных родов войск, офицеры, призванные из запаса, имевшие среднее или высшее техническое образование».

Петр Михайлович до своего освобождения в мае 1945-го работал в рабочей команде грузчиком на элеваторе. Как он сам напишет впоследствии: «Это были страшные годы...» Но он выдержал с честью и их, потому что сравнительно легко прошел фильтрацию, был восстановлен в звании майора и уже осенью 1945 года получил новое назначение.

«Оно выглядело несколько неожиданным, – подчеркнет в своей книге С. Смирнов. – Этот человек, который только что перенес страшный, истребительный режим гитлеровских лагерей и испытал на себе все бесчеловечные издевательства врага над людьми, оказавшимися в его власти, сейчас был назначен начальником советского лагеря для японских военнопленных в Сибири.

Казалось бы, человек мог ожесточиться там, в плену, и теперь в какой-то мере вымещать все, что он пережил, на прямых союзниках врага. Но Гаврилов... сумел с исключительной гуманностью, образцово поставить дело содержания пленных в лагере. Он предотвратил эпидемию тифа среди японцев, ликвидировал злоупотребления со стороны японских офицеров, через которых снабжались пленные солдаты. Я видел у него документы с выражением благодарности по службе за хорошую постановку дела в лагере.

Однако служить в армии ему пришлось недолго... и он был уволен в отставку, на пенсию. Пенсию ему определили небольшую – в то время бывшим пленным не засчитывали годы войны в срок армейской службы, и жить на эти средства было нелегко».

Да и послевоенная жизнь для Петра Михайловича Гаврилова стала еще одним испытанием на прочность.

Учительница младших классов Альвединской школы Анна Козлова с горечью рассказывала: «Наша первая встреча с Петром Михайловичем состоялась в 1947 году. Послевоенное время было очень тяжелым. Бедность и голод хозяйничали в каждом крестьянском дворе. Петр Гаврилов, встреченный жителями села как враг народа, стал жить в землянке с матерью. Работал пастухом, помогал собирать колхозный картофель. Мы дружили семьями. Он частенько с матерью захаживал к нам в гости, мылись в бане, чаевничали. О войне он говорить не любил. Лишь изредка, после дотошных расспросов, рассказывал, что ему пришлось перенести. Вспоминаю случай. Осень. Идет уборка второго хлеба на колхозных полях. Лошадь тащит за собой телегу, из которой выпадает картофель. Петр Михайлович идет следом и собирает его. А люди, видя это, подкидывают ему еще: мол, «на, ешь, враг народа!» Самые наглые позволяли себе подойти сзади и пнуть его».

Другая жительница села, Анна Богомолова, о Гаврилове вспоминала следующее: «Вернулся он на родину со второй женой Марией. Первую супругу Екатерину Григорьевну и десятилетнего сына Колю он потерял во время бомбежек. Так они и жили в землянке втроем – мать и он с женой. Петра больше всего пугало, что вот-вот за ним прилетит «черный

ворон». В 1949 году его вызвали в райцентр к секретарю парткома. «Теперь все кончено, точно заберут», – говорил он. К его удивлению, он был назначен директором кирпичного завода. Проработав в Пестрецах, снова приехал жить в деревню. Через некоторое время Петр уезжает в Казань и возвращается обратно».

В общем, на родине жизнь не сложилась, и пришлось Гаврилову попытать счастья в Краснодаре, где он долго служил в довоенные годы. Именно здесь, отказывая себе во многом, Петр Михайлович построил на окраине города небольшой скромный домик. Именно здесь очень круто изменится и вся его дальнейшая жизнь.

«В Брестской крепости остаемся навсегда»

Письмо бывшего бойца 44-го стрелкового полка А. Бессонова о встрече со своим командиром писатель С. Смирнов получил буквально через неделю и сам тотчас же написал Гаврилову. Он рассказал, как ему пришлось искать его: «Писал, что, по моему мнению, там, в Брестской крепости, он совершил подвиг выдающегося героизма, и я верю – недалеко то время, когда народ узнает об этом подвиге и Родина по достоинству оценит мужество, самоотверженность героя».

А еще через две недели С. Смирнов приехал в Краснодар: «На вокзале вместе с Бессоновым меня встречал Гаврилов. С любопытством вглядывался я в этого человека, о котором столько думал и которого так долго искал. Это был худощавый пожилой человек с несколько изможденным широкоскулым лицом, казавшийся на вид старше своих 55 лет. На нем были старенькая офицерская шинель и ушанка военного образца. Он сразу же повез меня к себе – в маленький саманный домик на дальней окраине Краснодара. Там нас встретила его вторая жена Мария Григорьевна, радушно принявшая меня.

В домике было чисто, аккуратно, но по всему чувствовалось, что хозяева живут далеко не в полном достатке. Этот домик был построен руками самого Гаврилова и его жены, и я догадывался, что им пришлось во многом отказывать себе, чтобы обзавестись своим жильем и кое-каким хозяйством.

Зато гордостью их был большой и заботливо ухоженный виноградник, раскинувшийся около дома. И когда мы сели завтракать, на столе появилось молодое вино собственного изготовления, и, конечно, первый тост был провозглашен за героев Брестской крепости.

А потом мы в течение нескольких дней беседовали с Гавриловым, и я записывал его воспоминания. Он рассказал мне всю историю своей интересной, но нелегкой и сложной жизни».

Сергей Сергеевич Смирнов (1915–1976) лично очень много сделал для увековечения памяти героев войны, а также для восстановления доброго имени бойцов и командиров, попавших в годы войны в плен. Его выступления в печати, на радио и телевидении того времени внесли поистине великий вклад в поиск пропавших в годы войны и ее неизвестных героев. Например, после выхода на радио в 1955 году цикла передач под названием «В поисках героев Брестской крепости» П. М. Гаврилов смог восстановить членство в партии. Следом в Министерстве обороны будет пересмотрен вопрос о его пенсии, которая будет значительно увеличена. А затем Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 января 1957 года за образцовое выполнение воинского долга при обороне Брестской крепости в 1941 году и проявленные при этом мужество и героизм Гаврилову Петру Михайловичу будет присвоено звание Героя Советского Союза. И в этом же 1957 году выйдет книга С. Смирнова «Брестская крепость», за которую автор в 1965 году будет удостоен Ленинской премии и награжден орденом Ленина.

Но и это еще не все. В 1956 году, когда Гаврилов приехал в Брест на 15-ю годовщину обороны крепости, то одна из жительниц города пришла к нему в гостиницу и сообщила, что его первая жена жива и находится где-то в доме инвалидов в Брестской области. Петр Михайлович нашел Екатерину Григорьевну, четыре года как парализованную, и забрал с собой в Краснодар. В том же 1956 году нашелся и приемный сын Петра Михайловича Николай, который служил в армии.

Так вот однажды жизнь никому не известного защитника Брестской крепости, командира 44-го стрелкового полка майора Гаврилова обрела новое рождение. Он стал активно заниматься общественной работой, совершая поездки по всему Советскому Союзу. Его

избрали в депутаты Верховного Совета СССР. Возможно, благодаря этому он прожил достаточно долгую жизнь.

Петр Михайлович Гаврилов скончался в Краснодаре 26 января 1979 года и был похоронен с воинскими почестями на гарнизонном мемориальном кладбище Бреста.

Михаилу Шиманскому, будучи корреспондентом газеты «Известия» по Беларуси, довелось встретиться с Гавриловым осенью 1971 года на открытии мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». И он спросил Петра Михайловича:

«...– Вы держались в крепости в течение 32 суток, больше, чем кто-либо другой из ее защитников. Что было для вас тогда самым тяжелым?»

– Как вам сказать, – начал неторопливо. – Если говорить о самих боях, то, кажется, тяжелее того, что мы испытали в крепости, для солдата уже и быть не может. Но мы ведь были военными людьми. Через тридцать лет после окончания войны о Брестской крепости известно многое, все восхищаются стойкостью и героизмом ее защитников. Тогда же мы об этом не думали, да и не было времени на такие мысли. Мы честно исполняли свой воинский долг, и я не хочу говорить сейчас пафосно, хотя, понимаю, для вас, журналистов, такие наши слова важны и нужны. Конечно, самое тяжелое и обидное, что мы в крепости так и не дождались помощи наших войск, хотя ждали ее каждую минуту. Сейчас-то мы понимаем, что она и не могла прийти, но тогда ведь ничего не знали, что немцы уже далеко на востоке за Брестом...»

Известно, что древнерусского воина-богатыря называли ВИТЯЗЕМ. Петр Михайлович Гаврилов тоже был РУССКИМ ВИТЯЗЕМ Брестской крепости, сражавшимся в ней с 22 июня по 23 июля 1941 года до последнего патрона, до последней капли крови. Поэтому даже враг сохранил ему жизнь...

Все в том же 1971-м Петр Михайлович скажет: «...мы в Брестской крепости остаемся навсегда, иначе и быть не должно...»

И он действительно остался там навсегда.

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Алиев Р. Брестская крепость. М., 2010.

Васильев Б. Живая память. 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1995.

ВА-МА RH 26–45 27 «Meldungen, Gefechtsberichte».

Гаврилов П. М. Личные воспоминания. ОФ МГОбК. Оп. 44. Д. 64. Л. 156–171.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998.

Клин Б. Брестской крепости вернули командира. «Известия» от 7 мая 2010 г.

Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1966.

Кульбака А. Последний защитник крепости. «Вечерний Брест» от 22 июня 2012 г.

Малов М. Трибунал для героя со счастливым концом. «Туганайлар» от 30 ноября 2012 г.

Палий П. Н. Записки пленного офицера. Военная литература. Интернет.

Песков В. Война и люди. М., 1970.

Сандалов Л. М. 1941 год. М., 2006.

Смирнов С. Брестская крепость. М., 1964.

Смыслов О. С. Окопная правда войны. 1941–1945 гг. М., 2013.

Татарская энциклопедия в 5 томах. Казань, 2002.

ЦАМО. Картотека ФЗСП и АЗСП.

Шиманский М. В крепости мы остаемся навсегда. «Республика» от 15 октября 2011 г.

Шнеер А. Плен. Иерусалим, 2005.

Русский характер

«Самое настоящее безумие»

Фельдмаршал Эрих фон Манштейн в своих мемуарах «Утерянные победы», собственноручно, и не скрывает удивления «методами» ведения войны русскими. Именно так военачальник Гитлера называет сопротивление, которое его войскам оказывали на своей территории советские бойцы и командиры. В частности, фельдмаршал пишет: «Уже в этот первый день (22 июня 1941 года) нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанный врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен. Мой адъютант и я много ездили по районам, в которых еще могли находиться части противника, и мы решили не отдаваться живыми в руки этого противника. Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат».

Эрих фон Манштейн входил на советскую землю во главе танкового корпуса из Восточной Пруссии. Стояли прекрасные летние дни, и ему, видимо, было невдомек, что русские солдаты, отступая под напором вермахта, будут оказывать сопротивление...

Примечательно, что тем, кто пришел в Советский Союз с мечом, кто пришел туда как германское НАШЕСТВИЕ, не нравились «методы» ведения войны его защитников. Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан, переправившийся на штурмовой лодке через Буг в 6 часов 50 минут, также был неприятно удивлен подобными методами русских солдат: «Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений, вопреки моему указанию, бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

Абсолютно ничем не отличается и свидетельство генерала (будущего фельдмаршала) фон Клейста: «Часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются нам в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат».

«Русские не сдаются, – запишет начальник 4-й армии вермахта генерал Г. Блюментрит. – Взрыв, еще один, с минуту все тихо, а потом они вновь открывают огонь...» И вот еще: «С изумлением мы наблюдали за русскими. Им, похоже, и дела не было до того, что их основные силы разгромлены...»

Очень мало солдатам, офицерам и генералам немецкой армии понадобилось времени, чтобы понять: «Русский солдат предпочитает рукопашную схватку. Его способность не дрогнув выносить лишения вызывает истинное удивление». Ведь им было с кем сравнивать: «Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. Там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосыгаемыми».

Атака пятерки советских бойцов целого немецкого батальона 18-го пехотного полка численностью 800 человек, вообще произвела на врага гнетущее впечатление. Впрочем, впечатлений на Восточном фронте было достаточно.

Например, немецкий артиллерист навсегда запомнил картину первых часов войны: «Во время атаки мы наткнулись на легкий русский танк Т-26, мы тут же щелкнули прямо из 37-миллиметровки. Когда мы стали приближаться, из люка башни высунулся по пояс русский и открыл по нам стрельбу из пистолета. Вскоре выяснилось, что он был без ног, их ему оторвало, когда танк был подбит. И, невзирая на это, он палил по нам из пистолета!»

Фельдмаршал Браухич, потрясенный увиденным в июле 41-го, запишет: «Примерно сотня наших танков, из которых около трети были Т-IV, заняли исходные позиции для нанесения контрудара. С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно...

Эшелонированные по фронту и в глубину русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь.

В этот момент прибыла 150-мм гаубица. Пока командир артиллеристов предупреждал о приближении танков противника, орудие открыло огонь, но опять-таки безрезультатно.

Один из советских танков приблизился к гаубице на 100 метров. Артиллеристы открыли по нему огонь прямой наводкой и добились попадания – все равно что молния ударила. Танк остановился. «Мы подбили его», – облегченно вздохнули артиллеристы. Вдруг кто-то из расчета орудия истошно завопил: «Он опять поехал!» Действительно, танк ожил и начал приближаться к орудью. Еще минута, и блестящие металлом гусеницы танка словно игрушку впечатали гаубицу в землю. Расправившись с орудием, танк продолжил путь как ни в чем не бывало».

Из дневника немецкого солдата:

«6 октября. Чертов элеватор. К нему невозможно подойти. Наши потери превысили 30 %.

10 октября. Откуда берутся эти русские? Элеватора уже нет, но каждый раз, когда мы к нему приближаемся, оттуда раздается огонь из-под земли.

15 октября. Ура, мы преодолели элеватор. От нашего батальона осталось 100 человек. Оказалось, что элеватор обороняли 18 русских, мы нашли 18 трупов».

Свидетельство ефрейтора Губерта Коралла не менее красноречиво: «Они сражались до последнего, даже раненые, и те не подпускали нас к себе. Один русский сержант, безоружный, со страшной раной в плече, бросился на наших с саперной лопаткой, но его тут же пристрелили. Безумие, самое настоящее безумие. Они дрались, как звери, – и погибали десятками».

Наводчик орудия зенитной батареи 199-й отдельной танковой бригады Ю. В. Владимир попал в плен вечером 24 мая 1942 года. Случилось это в Балаклеевском районе Харьковской области, при выходе из котла. Шедший в колонне военнопленных, он наблюдал следующую картину: «В какой-то деревне мы увидели на околице группу плачущих женщин. На траве лежал мертвый молодой старшина в гимнастерке с четырьмя темно-красными блестящими треугольниками на красных петлицах. Три женщины рыли могилу. Кто-то из пленных сумел узнать, что этот старшина скрывался у местных жителей, но утром он был обнаружен немцами, отстреливался и покончил с собой, выстрелив себе в сердце».

Кто был этот старшина-герой, к сожалению, мы уже не узнаем никогда. Но то, что это был настоящий русский солдат, мужественный и смелый человек, сомневаться не приходится. Его «метод» также не мог понравиться фашистам, потому что само по себе сопротивление одиночек не предвещало врагу ничего хорошего.

Кто-то из немцев таких русских одиночек называл фанатиками, кто-то – настоящими солдатами, но факт остается фактом: их было много и в 1941 году, и в 1942-м. Благодаря им в первую очередь немецкий блицкриг забуксовал на российских просторах. План молниеносной войны провалился. Ибо все учли немецкие генералы, кроме только одного – русского характера.

Советский танк-одиночка

Начало войны старший сержант-сверхсрочник Малько встретил заведующим хранилищем автобронетанковых запчастей под Минском. На складе также находились два полностью укомплектованных броневика – БА-10 и БА-20 и поступивший из капитального ремонта танк Т-28. Через несколько дней, утром 27 июня, начальник склада майор Денисковский собрал весь личный состав и отдал приказ об эвакуации склада.

«Весь день мы готовили имущество склада, упаковывали его в ящики, останавливали автомобили, спешившие на восток по шоссе, и загружали наиболее дефицитными запасными частями, резиной, – вспоминал Малько. – Семьи военнослужащих отправляли на санитарных машинах.

Горящий советский танк Т-28. 1941 г.

Я попросил у майора разрешения вывезти танк Т-28.

– Так к нему же нет экипажа, – возразил Денисковский. – Как ты поведешь?

– Один справлюсь. Все-таки более трех лет служил механиком-водителем. А эта машина хорошая, сильная, жаль оставлять.

Меня поддержал политрук Фещенко. Наконец майор сказал:

– Так и быть, готовь машину! Отвечаешь за нее.

– Есть! – козырнул я и побежал к танку. По пути зашел домой, позвал на помощь жену, и принялись вместе за работу. Натаскали воды, принесли и установили аккумуляторы, взяли три сотни патронов и зарядили пять пулеметных дисков. Пока жена ходила за комбинезоном и танкошлемом, я успел залить горючим и маслом пустые баки, проверил все и вывел машину к воротам склада. А там уже выстроилась колонна машин с имуществом – погру-

зили все, что можно было взять. Впереди поставили броневики с командованием, замыкающим – мой Т-28».

На марше, на Могилевском шоссе, колонну обнаружил и обстрелял немецкий самолет-разведчик. Пришлось рассредоточиться. А когда все снова стали выезжать на шоссе, отказал мотор танка. Пока сержант устранял неисправность, колонна ушла далеко. Все-таки больше часа он исправлял повреждение в карбюраторе.

Оставшись один, Малько к вечеру подъехал к Березине, где присоединился к располагавшейся в лесу части. По приказанию нового командира ходил в разведку и уничтожал вражеский десант. А когда часть направилась дальше, устроил засаду в кустах возле дороги... Именно там, в роще, возле шоссе, у него произойдет судьбоносная встреча, о которой он будет вспоминать и рассказывать всю оставшуюся жизнь: «Только выбрался из машины, услышал громкий голос:

– Здравствуйте, танкист!

Я оглянулся и увидел перед собой группу военных – майора и четырех молодых парней. Майор попросил у меня документы и, удостоверившись, что я и есть старший сержант сверхсрочной службы Малько, сказал:

– По договоренности с командиром части, пославшим вас сюда, вы отныне вместе с танком поступаете в мое распоряжение.

– Есть! – ответил я.

Майор осмотрел машину, обошел ее со всех сторон, даже постучал по броне и удовлетворенно произнес:

– Ничего себе коробочка. Т-28?

Я подтвердил.

– На такой воевать можно. Сильная машина.

Действительно, Т-28 хотя и являлся средним танком, но имел мощное по тому времени вооружение: пушку и четыре пулемета. Короткоствольная 76-миллиметровая пушка была установлена в центральной башне, пулеметы – в боковых и тыльной. Экипаж – 6 человек. Одним словом, это была довольно грозная бронированная крепость.

Пока майор рассматривал машину, я пригляделся к его спутникам. Все они были курсантами. Познакомиться мы так и не успели. Майор поставил задачу:

– Возле Минска, в болоте, застряли три наших учебных танка. Необходимо их вытащить. Заводите машину!

Я уселся на свое место, майор с курсантами тоже забрались в танк, и мы двинулись в направлении к Минску. Но, когда подъехали к тому району, где должны были находиться застрявшие танки, обнаружили, что их там нет. Лишь развороченные гусеницами колеи указывали, где стояли машины. Их, видимо, уже вытащили.

Отвели Т-28 в лес, переночевали. Дежурство несли по очереди. Меня сменил в середине ночи курсант с артиллерийскими петлицами. Мне спать не хотелось, и я остался на некоторое время с курсантом. Поговорили с ним, познакомились. Курсант назвался Николаем и рассказал, что перед самым началом войны он прибыл в командировку в Минск. Здесь и застала его война. В штабе, куда он прибыл, его оставили в распоряжении майора, который с группой курсантов готовил к отправке учебные танки. Он тоже не знал своих спутников, потому что дел было много и тут уж не до разговоров.

– А как вы думаете, товарищ старший сержант, – спросил меня Николай, – если утром тут появятся немцы, что мы будем делать?

– Будем драться, – ответил я. – Машина наша надежная, да и командир, видать, толковый. Так что не пропадем.

– А вам не приходилось встречаться с фашистами? – допытывался Николай.

– Приходилось, – сказал я. – Еще несколько лет назад – в тридцать восьмом году в Испании.

– Вы были в Испании? – заинтересовался Николай. – Расскажите!

И я рассказал ему о Барселоне и Бильбао, о боях под Теруэлем и Мадридом, о мужестве испанских патриотов и зверствах мятежников, о Глории и ее маленьком Хуане, повешенных фашистами. Николай слушал, и глаза его горели гневом. Потом Николай Педан рассказал о себе, о своем детстве, учебе в школе, работе в колхозе.

Утром майор с двумя курсантами сходил в разведку, а вернувшись, сказал:

– Кругом немцы. Положение наше тяжелое. Надо пробиваться к своим. Можно попытаться пройти по Могилевскому шоссе. А можно прямо на восток, через Минск.

Так и решили. Ворваться на танке в Минск и ударить по немцам неожиданно, пока не успеют опомниться. Тем самым морально поддержать население, проскочить через весь город к Московскому шоссе, а там присоединиться к своим. И стали они готовиться. Майор только спросил:

– Но где же мы раздобудем боеприпасы?

– В военном городке, где наша танковая бригада стояла, – сказал я.

– Может, что и найдем, – ответил Малько.

Городок встретил нас мертвой тишиной. В здании казармы окна были открыты, возле дверей валялись какие-то тюки, ящики. В длинном здании продсклада двери были сорваны. В нем оказалось много ящиков с консервами и пачками галет.

– Провиант есть! – весело произнес майор.

На складе ГСМ среди многих пустых бочек, валявшихся на полу, стояли три нетронутые. Я потер пальцами около пробок, понюхал и сразу уточнил:

– Две с бензином и одна с маслом. То, что надо!

Нашлись и боеприпасы – 76-миллиметровые снаряды и целая гора цинковых коробок с патронами.

Грузились долго, старались взять снарядов как можно больше. Я несколько раз предупреждал:

– Товарищ майор, больше некуда грузить. Кассеты и ниши заполнены.

– Клади на пол, – говорил майор, продолжая подавать снаряды.

Я принял еще несколько снарядов и снова закричал:

– Хватит! Под завязку...

– Ладно, – согласился майор. – Теперь за патроны. Начали загружать все свободные места цинками с патронами, набивать ими пулеметные диски. Всего погрузили более шестидесяти снарядов и около семи тысяч патронов. На обратном пути завернули на продовольственный склад и взяли, сколько смогли уложить, консервов и галет.

Отдохнув немного в лесу, мы выехали на Могилевское шоссе и взяли курс на Минск.

Стоял жаркий полдень 3 июля 1941 года...»

По безлюдному шоссе сержант-сверхсрочник вел Т-28, крепко сжав руками рычаги. Майор вместе с одним курсантом находился в центральной башне. Николай Педан – в правой башне, у пулемета. Широкоплечий курсант – в левой башне. И еще один курсант – у тыльного пулемета.

Вот и окраина Минска. На большой скорости машина врывается в город: «Проехали железнодорожный переезд, пути трамвайного кольца и оказались на улице Ворошилова. Здесь было много предприятий, но все их корпуса стояли теперь полуразрушенными, с темными проемами дверей и окон. Потом наша машина поравнялась с длинным темно-красным зданием ликеро-водочного завода. Вот здесь мы и увидели первых фашистов. Их было десятка два. Немецкие солдаты грузили в машину ящики с бутылками и не обратили никакого внимания на внезапно появившийся одинокий танк.

Когда до сгрудившихся у грузовика немцев осталось метров пятьдесят, заработала правая башня танка. Николай ударил по фашистам из пулемета. Я видел в смотровую щель, как гитлеровцы падали у автомашины. Некоторые пытались было вскарабкаться на высокую арку ворот и спрятаться во дворе, но это не удалось. Буквально за несколько минут с группой фашистов было покончено. Я направил танк на грузовик и раздавил его вместе с ящиками водки и вина.

Затем мы переехали по деревянному мостику через Свислочь и свернули направо, на Гарбарную, ныне Ульяновскую, улицу. Миновали рынок (там теперь находится стадион), и вдруг из-за угла улицы Ленина навстречу выскочила колонна мотоциклистов. Фашисты двигались как на параде – ровными рядами, у тех, кто за рулем, локти широко расставлены, на лицах – наглая уверенность.

Майор не сразу дал команду на открытие огня. Но вот я почувствовал его руку на левом плече – и бросил танк влево. Первые ряды мотоциклистов врезались в лобовую броню танка, и машина раздавила их. Следовавшие за ними повернули вправо, и тут же я получил новый сигнал от майора и повернул танк направо. Свернувших мотоциклистов постигла та же участь. Я видел в смотровое отверстие перекошенные от ужаса лица гитлеровцев. Лишь на мгновение появлялись они перед моим взором и тут же исчезали под корпусом танка. Те из мотоциклистов, которые шли в середине и хвосте колонны, пытались развернуться назад, но их настигали пулеметные очереди из танка.

За считанные минуты колонна оказалась полностью разгромленной. Пулеметы смолкли, я вывел танк на середину улицы и тут снова ощутил поглаживание руки майора – он благодарил за умелые маневры при разгроме вражеской колонны.

Начался крутой подъем на улице Энгельса. Дома горели, стлался вокруг дым пожарищ. Поравнялись со сквером у театра имени Янки Купалы и обстреляли группу фашистов, скопившихся там. Ведя на ходу огонь, мы вырвались наконец на центральную – Советскую – улицу. Повернув направо, я повел танк вперед по узкой улице, изрытой воронками, усыпанной обломками зданий и битым кирпичом.

Когда спустились вниз, возле окружного Дома Красной армии я получил команду от майора повернуть направо. Свернул на Пролетарскую улицу, которая теперь носит имя Янки Купалы, и вынужден был остановиться. Вся улица оказалась забитой вражеской техникой: вдоль нее стояли машины с оружием и боеприпасами, автоцистерны. Слева, у реки, громоздились какие-то ящики, полевые кухни, в Свислочи купались солдаты. А за рекой, в парке Горького, укрылись под деревьями танки и самоходки.

T-28 открыл по врагу огонь из всех своих средств. Майор прильнул к прицелу пушки, посылал в скопления машин снаряд за снарядом, а курсанты расстреливали противника из пулеметов. На меня дождем сыпались горячие гильзы, они скатывались мне на спину и жгли тело. Я видел в смотровую щель, как вспыхивали словно факелы вражеские машины, как взрывались автоцистерны и тонкими змейками сбегали с откоса в реку пылающие ручейки бензина. Пламя охватило не только колонну машин, но и соседние дома, перекинулось через Свислочь на деревья парка.

Фашисты обезумели. Они бегали по берегу реки, прятались за деревья, за развалины зданий. Я заметил, как какой-то спятивший от страха гитлеровец пытался влезть в канализационный колодец. Другой втиснулся в сломанную водозаборную решетку и тоже получил пулю. Всюду врагов настигал огонь нашего танка. Пулеметные очереди косили гитлеровцев, не давая им возможности опомниться, прийти в себя, сея панику.

Почти вся вражеская колонна, запрудившая Пролетарскую улицу, была разметана, будто по ней прошелся смерч. Всюду валялись горячие обломки машин, развороченные автоцистерны. И трупы, трупы фашистских солдат и офицеров.

Майор дал команду развернуться. Я снова выехал на Советскую улицу и повернул вправо. Проехали мост через Свислочь, мимо электростанции. Здесь справа, в парке имени Горького, заметили новое скопление противника. Под густыми кронами деревьев стояли десятка два автомашин, несколько танков и самоходок. Возле них толпились гитлеровцы. Они тревожно задирали вверх головы, ожидая налета советских самолетов: со стороны Пролетарской улицы все еще доносились глухие взрывы рвущихся боеприпасов, что можно было принять за бомбежку. Но опасность подстерегала фашистов не с неба, а с земли. Так же как и на Пролетарской, первой заговорила пушка нашего танка, вслед за ней ударили пулеметы центральной и правой башен. И снова, как уже было, начали рваться боеприпасы, вспыхнула факелом бензоцистерна, и густой дым окутал черным шлейфом аллеи старого парка.

– Осталось шесть снарядов! – крикнул заряжающий.

– Прекратить огонь, полный вперед! – скомандовал майор.

Я включил четвертую передачу, и танк понесся по улице. Проехали Круглую площадь, преодолели подъем. Поравнялись с Долгобродской. Укрытые броней, мы не могли видеть, как за действиями нашего танка наблюдали горожане. Но мы сердцем чувствовали, что рейд много значит для попавших в неволю советских людей. И все же я замечал в смотровое отверстие, как кое-где из развалин высовывались наши советские люди, они улыбались и махали нам руками. Танк поднялся на гребень улицы, и я увидел впереди Комаровку – деревянные домики, рынок, развилку дорог. Обрадовался: ведь от Комаровки всего два-три километра до городской окраины. Будет улица Пушкина, а там и Московское шоссе. Мелькнула мысль: «Может, удастся прорваться?»

Но не удалось! В районе старого кладбища я скосил глаза в сторону и в тот же миг заметил у чугунной ограды вспышку выстрела. Вслед за ней почти у самого борта машины плеснулся взрыв. Комья земли, щебень и осколки дождем осыпали машину.

«Противотанковое орудие, – определил я по выстрелу. – Очухались фашисты, поняли, что мы одни, и теперь бьют почти в упор, по борту... Сколько их там?»

По вспышкам определил: до батареи. Фашисты стреляли прицельно. Очередной снаряд ударил в башню, но срикошетил. В этот момент я почувствовал, что майор дергает меня за воротник – просит прибавить газу. Однако прибавлять больше было нельзя. Танк и без того шел на предельной скорости. Я старался выжать из машины все, на что она была способна. Отчаянно маневрируя, в кольце разрывов Т-28 мчался вперед и, казалось, был загворенным. Я понимал, что необходимо проскочить кладбище, а там дома помешают артиллеристам вести огонь прямой наводкой.

Мы приближались к Комаровке, и впереди уже видна была спасительная развилка дорог. Еще минута-другая... И в это мгновение невероятной силы удар потряс танк. Машина наполнилась дымом и смрадом. Кто-то отчаянно вскрикнул, кто-то зло выругался. Я понял, что случилось: снаряд попал в моторное отделение, пробил кормовую плиту и вызвал пожар. Однако танк, даже объятый пламенем и дымом, продолжал двигаться, пока новый удар не заставил его остановиться окончательно.

Перед глазами у меня поплыли разноцветные круги, уши заложило, а по лицу потекла кровь: осколок снаряда скользнул по голове.

– Покинуть машину! – приказал майор».

А дальше, как в замедленном кинофильме. Майор свой последний бой принял на Комаровской развилке Минска, отстреливаясь из нагана до последнего патрона. Он погиб как герой. После боя местная жительница Любовь Киреева похоронила его и одного из курсантов. Второй курсант либо сгорел в танке, либо был убит, пытаясь выбраться из него. Заряжающий курсант Федор Наумов был укрыт местными жителями, ушел в лес, воевал в партизанском отряде, в 1943 году был ранен и вывезен из оккупированной Белоруссии в тыл.

Курсант Николай Педан оказался в плену и всю войну провел в концлагере. Малько, раненый осколком в голову, выбрался через передний люк, перемахнул через забор и бросился в сад. В доме какая-то старушка перевязала сержанта и с наступлением темноты проводила дальше. К своим он вышел в районе Рославля.

Примечательно, что во время героического рейда танка-одиночки по Минску его экипаж уничтожил и вывел из строя около 10 танков и бронемашин противника, 14 грузовиков, 3 артиллерийские батареи. Потери же в живой силе противника составили порядка 360 офицеров и солдат.

С. М. Исаченко довелось встретиться и побеседовать с Д. И. Малько спустя годы после войны. Дмитрий Иванович «участвовал в боях под Москвой, Харьковом, освобождал Минск, воевал на польской земле и встретил победу в поверженном Кенигсберге. Закончил войну гвардии старшим лейтенантом, заместителем командира роты по техчасти...

Именной танк Т-28 «Сталин» направляется на Красную площадь для участия в параде

Фамилий товарищей по экипажу Малько не знал. Помнил, что курсанты были якобы из минского пехотного училища – упоминали они училище в разговорах, но как их фамилии, не спросил тогда. Не узнал он имени и фамилии майора, взявшего на себя командование одинокой машиной и принявшего дерзкое решение – прорываться через занятый врагом город...

В разговоре Дмитрий Иванович высказал предположение, что глава их экипажа был не строевым командиром, а скорее всего, политработником, хотя курсанты и называли его «товарищ майор». Малько слышал, как тот несколько раз упоминал политотдел 3-й армии, которая отходила от границы. К тому же и знаки различия у него – два прямоугольника на петлицах – могли означать «батальонный комиссар».

У Малько осталась обгоревшая топографическая карта, врученная ему майором перед рейдом в Минск.

Подбитый Т-28 простоял в столице Белоруссии всю немецкую оккупацию, напоминая о подвиге русского солдата. Фамилия майора была идентифицирована как Васечкин. У двух же погибших курсантов остались только имена: Сергей и Александр. Вечная им память!

«Битвами испытанный»

Сегодня уже не каждый вспомнит «Рассказы Ивана Сударева», написанные Алексеем Толстым. Это семь коротких историй, объединенных одной темой, одной идеей и одним рассказчиком. Так вот, буквально в каждом рассказе есть рассуждение о русском характере, который проявляется особенно ярко в критические моменты истории. Алексей Толстой предельно точен, когда пишет: «Русский человек – хитро задуманный человек, и не плоскому немецкому ограниченному уму тягаться с трезвым, вдохновенным, не знающим часто даже краев возможностей своих, острым русским умом».

Рассказ «Русский характер» завершает цикл «Рассказы Ивана Сударева» и, собственно, подводит итог рассуждениям о русском человеке: «На войне, вертясь постоянно около смерти, люди делаются лучше, всякая чепуха с них слезает, как нездоровая кожа после солнечного ожога, и остается в человеке – ядро. Разумеется, у одного оно покрепче, у другого послабже, но и те, у кого ядро с изъяном, тянутся, каждому хочется быть хорошим и верным товарищем». По А. Толстому, красота русского характера проявляется прежде всего не во внешней привлекательности, а в душевной глубине. Поэтому в этом рассказе главное – не описание военных событий самих по себе, а создание образа героя войны. Не героя как такового, а человека со всеми присущими русскому характеру качествами. «Да, вот они, русские характеры! – восклицает великий писатель. – Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или малом, и поднимется в нем великая сила – человеческая красота».

Такая сила не однажды поднималась и в этом человеке, о котором должны знать все русские люди...

В июле 1941 года в Москве формировались дивизии народного ополчения. Среди добровольцев были рабочие, инженеры и техники таких предприятий, как «Станколит», «Борец», Комбинат твердых сплавов, студенты и преподаватели Московского института инженеров железнодорожного транспорта и других учебных заведений. Принимали добровольцев в возрасте от 18 до 55 лет. Однако бывали и исключения. Так, бывший комиссар Дзержинского района Москвы М. Н. Сбитнев напишет: «Особенно запомнился день, когда на пункт формирования дивизии народного ополчения Дзержинского района пришел 64-летний Федор Михайлович Орлов. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, унтер-офицер старой армии, Ф. М. Орлов перешел на сторону победившего пролетариата в первые дни Октябрьской революции. В Петрограде он стал одним из командиров Красной гвардии. Был направлен на Северный Кавказ для организации красногвардейских и партизанских отрядов. Вместе с ним выехала его жена Мария Иосифовна с четырьмя маленькими детьми; старшему из них, Володе, тогда исполнилось 9 лет. Так вся семья вступила на нелегкий военный путь.

Ф. М. Орлов во время Гражданской войны командовал частями и соединениями. За боевые отличия и подвиги он неоднократно награждался ценными подарками, в числе их золотым именованным портсигаром. В 1920 году Орлов награжден первым орденом Красного Знамени. Он был соратником М. В. Фрунзе в боях против Врангеля. После разгрома «черного барона» в декабре 1920 года М. В. Фрунзе назначается командующим войсками Украины и Крыма, а Ф. М. Орлов – его заместителем. Позднее он находился на других командных постах. Затем Ф. М. Орлов по состоянию здоровья уволился из армии. Сказались 24 ранения и контузии, полученные им на полях сражений.

По возрасту Федор Михайлович не подходил даже в ополчение, но он просил, настаивал, требовал, и его просьбу пришлось удовлетворить».

Еще 22 июня 1941 года, в день начала войны, Федор Михайлович писал В. М. Молотову и маршалу С. К. Тимошенко: «Я как патриот своей Родины еще раз прошу удовлетво-

ритель просьбу. Ибо я буду нервничать и болеть, что не смогу отдать свою кровь и жизнь на разгром вероломных фашистских врагов нашей необъятной Родины». И только после долгих и настойчивых просьб Федора Михайловича взяли в 6-ю дивизию народного ополчения, где назначили командиром роты.

8 июля 1941 года ополченцы формируемой дивизии получали обмундирование, стриглись, мылись в бане. 9-го командир 6-й ДНО полковник Шундеев произвел смотр всех частей и подразделений. 10-го вновь испеченным бойцам и командирам выдали оружие и боеприпасы. А 11 июля ополченцы отправились на фронт. Ночью им подали автобусы, на которых с остановками по команде «Воздух!» довели до Дорогобужа, где наконец-то высадили на ночевку. Дальше путь на фронт продолжался пешим маршем...

23 июля 6-ю дивизию народного ополчения на Смоленщине встретил фронтовой корреспондент, писатель К. Симонов: «В следующей деревне мы встретили части одной из московских ополченческих дивизий, кажется, шестой. Помню, что они тогда произвели на меня тяжелое впечатление. Впоследствии я понял, что эти скороспелые июльские дивизии были в те дни брошены на затычку, чтобы бросить сюда хоть что-нибудь и этой ценой сохранить и не растряссти по частям тот фронт резервных армий, который в ожидании следующего удара готовился восточнее, ближе к Москве, – и в этом был свой расчет. Но тогда у меня было тяжелое чувство. Думал: неужели у нас нет никаких других резервов, кроме вот этих ополченцев, кое-как одетых и почти небооруженных? Одна винтовка на двоих и один пулемет. Это были по большей части немолодые люди по сорок, по пятьдесят лет. Они шли без обозов, без нормального полкового и дивизионного тыла – в общем, почти что голые люди на голой земле. Обмундирование – гимнастерки третьего срока, причем часть этих гимнастерок была какая-то синяя, крашенная. Командиры их были тоже немолодые люди, запасники, уже давно не служившие в кадрах. Всех их надо было еще учить, формировать, приводить в воинский вид.

Потом я был очень удивлен, когда узнал, что эта ополченческая дивизия буквально через два дня была брошена на помощь 100-й и участвовала в боях под Ельней».

Всего несколько дней спустя, 26 июля 1941 года, командующий 24-й армией передислоцировал 6-ю ДНО на правый берег реки Ужа для прикрытия магистрали Москва – Минск и Старой Смоленской дороги.

В книге «Московская битва в хронике фактов и событий» показан ежедневный ход боевых действий на московском направлении с первого дня войны. Есть там и про 6-ю ДНО и Федора Михайловича Орлова.

15 августа дивизия, совершив марш из района Дорогобужа, заняла позиции севернее Ельни в составе 24-й армии. Противник превратил этот город в неприступную крепость. Но в ходе удара армия прорвала оборону противника и обошла Ельню с севера и юга. Однако продолжить наступление не получилось, так как не хватало свежих пополнений.

Днем «16 августа на участке 120-й стрелковой дивизии была введена в действие наиболее боеспособная пятая рота 6-й ДНО. Командовал ротой командарм 2-го ранга запаса Орлов. Задача роты была – выбить противника из деревни Алексеевка Коробецкого сельсовета. Боевую задачу рота выполнила, деревню Алексеевка освободила, однако в роте осталось лишь пять человек, в их числе и Орлов. Когда немцы пошли в контратаку, на помощь роте пришло другое подразделение».

После этого боя Орлова назначили командиром батальона. И новый комбат проявил себя снова: «6-я ДНО, действуя в составе фронтового резерва, участвовала в наступлении на г. Ельню с юго-запада. В ночь на 3 сентября сторожевые посты разведбатальона 6-й ДНО обнаружили высадку немецкого десанта в районе деревень Еремино, Серебрянка и подняли тревогу. Командир батальона Ф. М. Орлов ввел в бой взвод пулеметных тачанок и взвод

танкеток. Через час бой закончился победой ополченцев. Больше 100 убитых парашютистов осталось на поляне, в штаб дивизии отправлено свыше десятка пленных.

Разведбатальон захватил трофеи: автоматическое оружие, две радиостанции, минометы и другое вооружение».

6 сентября войска 24-й армии Резервного фронта освободили Ельню. 19-го 6-я ополченческая дивизия заняла рубежи на переднем крае полосы обороны армии. А 26-го на основании директивы НКО СССР ее переименовали в 160-ю стрелковую дивизию. Но радость оказалась короткой...

До сих пор неясно, почему Ставка Верховного главнокомандования не смогла разгадать замысла противника на московском направлении. Только по этой причине районы сосредоточения основных усилий фронтов оказались в стороне от направлений главных ударов группы армий «Центр». Что же касается Резервного фронта, то Ставка вообще не обратила на него пристального внимания и не поставила его войскам задачу перейти к жесткой обороне. А 2 октября 1941 года в 5 часов по московскому времени главные силы немцев после короткой, но мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Уже на следующий день глубина прорыва немцев достигала 50–200 км. С каждым часом тучи над советскими фронтами сгущались, ибо их оборона была буквально разбита. Только вечером 3 октября начальник Генштаба Красной армии разрешил войскам Западного фронта отходить. Одновременно было принято решение и об отводе в ночь на 6 октября войск Резервного и Брянского фронтов. Началось фатальное отступление в полном окружении, когда обороняться было уже невозможно. При этом сверху бомбили и обстреливали самолеты, а вокруг были слышны уверенные немецкие голоса.

Что же касается 160-й (6-й ДНО) стрелковой дивизии, то, когда немцы со 2 по 5 октября перешли в наступление и фланговым ударом отрезали боевой состав соединения от тыла, части ополченцев были вынуждены разделиться на группы, в результате чего дивизия как боевая единица перестала существовать. Командир 160-й дивизии полковник Шундеев погиб в бою 6 октября. Погиб героически. Он лично водил в атаку своих бойцов... И в эти же дни (6–7) немцы взяли Вязьму, завершив окружение советских войск. Из 12 июльских дивизий московского ополчения 9 погибли на Смоленщине. От 6-й ДНО после выхода из окружения 13 октября 41-го осталось чуть больше тысячи человек. А ведь еще в конце августа она насчитывала около десяти.

160-я дивизия была переформирована все в том же октябре 41-го в районе станции Гжель Раменского района. Часть командного состава в количестве 68 человек составила ее костяк. Командиром дивизии был назначен Василий Федорович Орлов, вынесший из окружения ее боевое знамя.

В январе 1942 года 160-я стрелковая дивизия походным порядком совершила марш из района формирования через Москву и к исходу 8-го сосредоточилась в районе Наро-Фоминска. Части дивизии, находясь во втором эшелоне армии, заняли оборону на окраине города, в Ново-Федоровке и Бекасове. По свидетельству начальника штаба 2-го батальона В. И. Струнина, «Ф. М. Орлов получил приказ подтянуть как можно быстрее тылы и быть готовым к наступательным боям в ближайшие дни. Самым сложным для командования было решение проблемы повышения боевой мощи частей и подразделений. Дивизия прибыла, имея неполный личный состав, некомплект вооружения и боеприпасов. Стрелковые полки из-за малочисленности имели структуру двухбатальонного состава. 973-й артиллерийский полк имел на вооружении всего 12 орудий. Отдельный зенитный дивизион – четыре 25-мм пушки. Отдельный минометный дивизион матчасти не имел совсем. К тому же, только что прибыв, 1295-й и 1297-й стрелковые полки передали по 175 красноармейцев в 222-ю стрелковую дивизию армии».

С утра 10 января 1942 года 160-я стрелковая дивизия вступила в бой западнее реки Нара. «Командир дивизии Ф. М. Орлов с присущей ему энергией дал указание перейти немедленно к активным действиям, – подчеркивает Струнин. – 1293-му полку, минометному дивизиону, ротам моторазведывательной и мотоциклетной было приказано организовать подвижные разведывательные группы и отряды для проникновения в тыл противника и уничтожения засад, групп и небольших гарнизонов, оставленных в ближайших селениях.

Организованные отряды в течение 15–16 января освободили селения Аграфенино, Маломахово, Рыжкове, Ефаново, Секирино. Как и ожидалось, противник, боясь окружения, начал 16 января отвод своих основных сил с участка против фронта дивизии, оставив в селениях Устье, Татищево, Коровино крупные заслоны, прикрывая их минометно-артиллерийским огнем. Командир дивизии создал оперативный отряд лыжников, усиленный станковыми пулеметами, во главе с командиром моторазведроты старшим лейтенантом И. П. Матрыченко, отряд с утра 16 января направился в район Верховье и Ахматово...

Получив данные, что немцы начали поджигать деревни Коровино, Алферово, командир дивизии Ф. М. Орлов приказал 1293-му полку перейти в наступление на Татищево и Устье. Внезапная атака сбила противника с рубежа реки Исьма, были освобождены Татищево, Спас-Косицы, Устье, Старые Глинки».

При взятии Старых Глинок и Устья от разведки поступило донесение, что все жители окрестных деревень (старики, женщины и дети) согнаны немцами в Спас-Косицкую церковь, где их заперли и заминировали. Около церкви фашисты установили засаду: более 30 солдат с автоматами и пулеметами. Обреченные на смерть без пищи и воды находились там пятый день. С них сняли теплую одежду и обувь. И это при том, что стояли 20-градусные морозы, а здание не отапливалось.

Для спасения мирного населения командир дивизии немедленно ночью бросает на Спас-Косицы лыжный отряд автоматчиков, которому удалось незаметно подобраться к засаде и всю ее уничтожить.

«После уничтожения остатков немцев в населенных пунктах Устье, Татищево и Старые Глинки, где все дома были сожжены, дивизия прошла через также сожженные Коровино, Алферово и Тимофеево без боя, – напишет комиссар 1295-го стрелкового полка Перечников. – Ее авангард вышел к деревне Пафнутовка, где был обстрелян артиллерийским, пулеметным огнем и выстрелами из двух танков. Тов. Орлов велел не губить людей, а оттянуть наши позиции за высоту 200,6, в лес. А затем вызвал к себе начальника артиллерии дивизии майора Климовича и приказал ему с солдатами, местным населением и транспортными службами расчистить узкую дорогу через поля и лесную просеку от Алферова до Тимофеева на расстояние в 7 километров. С помощью транспортных лошадей и местного населения (ограбленного и оставленного под открытым небом) бойцы дивизии расчистили трассу и ночью перебросили в дер. Тимофеево 14 орудий дивизии на расстояние прямой наводки. Тов. Орлов, не дожидаясь результатов рейда автоматчиков на с. Спас-Косицы, сам на санях выехал на позиции с охраной в 5 человек конных разведчиков, вместе с комиссаром полка ст. батальонным комиссаром А. В. Залевским... Военком дивизии полковой комиссар Н. Д. Зенюхин и А. В. Залевский уговаривали тов. Орлова не рисковать и не ехать на самые передовые позиции, но Ф. М. Орлов везде поспевал и часто бывал в первых рядах бойцов, чем показывал пример и воодушевлял подчиненных, любивших его как родного отца. После возвращения из поездки тов. Орлов получил приказ от командарма генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова взять к утру 19 января укрепленный узел Кузьминское – Афанасьево – Пафнутовка. На что комдив Орлов ответил, что он будет взят не позднее 22.00 18 января, будет взята и Верея.

В селениях Васильево, Кузьминское, Афанасьево и Пафнутовка немцы создали сильно укрепленный узел с устройством дотов, блиндажей. Система дерево-земляных огневых

точек была построена в два ряда, в шахматном порядке, с расчетом на фронтальный и косо-прицельный удар. Немцы называли этот укрепленный узел «наш маленький Верден». Враг не ожидал, что большевики смогут подойти к укреплениям так близко. И вот в сумерках в 18.00 18 января 1942 г. из всех наших орудий прямой наводкой по позициям врага был открыт ураганный огонь, а в 20.10 пехота уже ворвалась во вражеские позиции. Наши потери составили 6 убитых и 72 раненых. Враг оставил танки, много минометов, орудий и другого имущества. Немцы настолько растерялись, что не смогли организовать ответный огонь. После нашего обстрела они в панике стали взрывать свои боеприпасы, поджигать строения, бросать в огонь оружие, трупы и даже своих раненых, а затем обратились в бегство. По дороге к Верее они вновь попали под перекрестный огонь частей 113-й и 222-й СД. Около 4 тысяч убитых оставил враг в этом укрепленном узле и на прилегающих полях и дорогах. Немногие успели войти в город, а на их плечах в Верею вошла Красная армия, и к утру 19 января город был освобожден. В эту же ночь пал и Можайск».

После Вереи началось наступление на Вязьму...

В конце 1941-го поэт А. Сурков посвятил 160-й стрелковой дивизии стихотворение, в котором есть такие строки:

Битвами испытанный,
Отважен и суров
Водил полки на подвиги
Седой комдив Орлов...

Впоследствии к этим стихам была написана музыка. Именно так появилась песня «Дзержинцы-москвичи», посвященная ополченцам Дзержинского района Москвы. Однако с родной дивизией Орлову все же пришлось расстаться...

Об этом можно узнать из докладной записки командира 160-й стрелковой дивизии, которую он написал 19 февраля 1942 года командующему войсками 33-й армии генерал-лейтенанту Ефремову из госпиталя: «...2. Что же касается моего ранения, то я докладываю Вам, что нахожусь на пути выздоровления и надеюсь в скором времени прибыть опять в Ваше распоряжение и под Вашим руководством уничтожить фашистскую мразь.

При моем ранении был ранен ряд штабных работников, в том числе был ранен ст. батальонный комиссар – нач. политотдела 160 СД тов. КУРДЕНКОВ Д. П. Первую операцию, как мне, так и тов. КУРДЕНКОВУ Д. П., произвел 432-й медсанбат 133-й СД. После операции через 2 часа поднялась у обоих высокая температура, поэтому встал вопрос о скорейшем отправлении нас в тыловой госпиталь. Самолета подать для перевозки не удалось вследствие сильных воздушных налетов неприятеля, а на машине вывезти тоже было опасно, т. к. деревня Зубово сильно обстреливалась минометным огнем со стороны неприятеля.

3. Дождавшись ночи, меня и тов. КУРДЕНКОВА на 2 машинах вывезли в г. Боровск, где в летучем лазарете Зап. фронта была оказана нам медпомощь с переливанием крови и уколов, вследствие потери пульсов. В Москве в Лефортовском коммунистическом госпитале была срочно произведена операция, в которой выяснилось, что как у тов. КУРДЕНКОВА, и у меня от газовой инфекции получилось заражение крови. Предварительно вновь было произведено переливание крови и введена несколько раз гангренозная сыворотка. Во время операции вследствие появления газовых пятен рука была сильно вздута, ввиду чего руку разрезали в нескольких частях, чем медицина под руководством профессора – хирурга Зап. фронта тов. БАНАЙТИСА спасла мою жизнь, а тов. КУРДЕНКОВ вечером со мной не дал согласия на ампутацию ноги, лишь только дал согласие утром, когда уже газовые пятна появились в полости живота; и хотя была сделана ампутация ноги, но жизнь спасти было трудно. О

смерти тов. КУРДЕНКОВА я узнал лишь 8/ II – в тот день, когда у меня исчезли газовые пятна, т. е. от меня его смерть скрывали».

В своей докладной командующему Федор Михайлович, как всегда, думает не о себе. Он особо подчеркивает заслуги погибших военкома 160-й стрелковой дивизии полкового комиссара Зенюхова, командира стрелкового полка полковника Оглоблина и умершего начальника политотдела дивизии батальонного комиссара Курденкова. В частности он пишет: «Прошу Вас, товарищ генерал-лейтенант, представить посмертно тов. ЗЕНЮХОВА и КУРДЕНКОВА к высшей правительственной награде, как стойких политических руководителей 160-й СД, преданных партии Ленина – Сталина, преждевременно погибших на славном боевом посту за нашу родину и за нашу партию Ленина – Сталина.

Помимо того, еще прошу представить посмертно к правительственной награде тов. ОГЛОБЛИНА.

К тому же прошу Вашего разрешения перевезти тела убитых ЗЕНЮХОВА и ОГЛОБЛИНА для погребения в Москве или же погребение их по указанию жен.

Одновременно еще прошу войти с ходатайством перед командующим войсками Западного фронта генералом армии тов. ЖУКОВЫМ о выдаче семьям убитых т.т. ЗЕНЮХОВА, КУРДЕНКОВА и ОГЛОБЛИНА единовременное пособие с назначением их семьям персональных пенсий.

Оплакивая безграничную утрату для 160-й СД, я клянусь Вам, что я еще смелее и настойчивее буду мстить врагу за пролитую кровь моих друзей и товарищей.

Тов. Тов. ЗЕНЮХОВ, КУРДЕНКОВ и ОГЛОБЛИН находились в рядах нашей славной, родной Красной армии с первых дней войны против проклятого фашизма.

Семья тов. ЗЕНЮХОВА состоит из жены, 2 малолетних мальчиков и престарелой матери, проживающих в г. Ворошиловске (быв. Ставрополь).

Семья тов. КУРДЕНКОВА состоит из жены, малолетней дочери и престарелой матери, проживающих в г. Омске.

Семья тов. ОГЛОБЛИНА состоит из жены, 3 малолетних дочерей и престарелой матери, проживающих в небольшом городе Куйбышеве Новосибирской области».

В заключение своего письма командир 160-й стрелковой дивизии весьма искренне заверяет командующего: «...пока будет биться в моей груди сердце, я буду с презрением к смерти самоотверженно защищать нашу славную родину и нашу партию Ленина – Сталина и уничтожать фашистских врагов до победного конца, при этом буду рад и безгранично счастлив, когда я смогу дать Вам телеграмму после разгрома проклятой фашистской мрази первым из Берлина».

К сожалению, Федору Михайловичу такую телеграмму дать не довелось. 19 апреля 1942 г. в бою командарм М. Г. Ефремов был тяжело ранен, получив три ранения. В критической обстановке, чтобы не попасть в плен, он застрелил свою жену-мединструктора и себя.

Сам Ф. М. Орлов в первый год Великой Отечественной войны был трижды ранен и дважды контужен. А ведь ему в 42-м было уже 64 года. Тяжелое ранение, полученное на Вяземском направлении в самом конце января, стало 25-м в его военной карьере. Случилось это в районе населенного пункта Гриенки Калужской области в результате налета немецкой авиации. Только поэтому боевой путь Орлова был прерван.

В августе 42-го полковник Орлов, хотя кадры 33-й армии и ходатайствовали о присвоении ему звания генерал-майора, вернулся в строй. Но только теперь ему позволили служить на тыловых должностях. Тогда же он узнает и о судьбе родной дивизии.

16 марта 1942 года из района Кобелево вышли к своим две группы одного из полков соединения численностью 228 человек, а 18 апреля 19 км южнее Захарова – группа из 17 человек во главе с начальником артиллерийского снабжения 160-й дивизии майором Третьяковым.

20 апреля в полосе 43-й армии вышли еще три человека, а позже командир дивизии полковник Якимов вывел еще 450 человек. 31 августа 1944 года приказом Верховного главнокомандующего И. Сталина 160-й стрелковой Краснознаменной дивизии было присвоено наименование «Брестская».

В 1945-м она будет брать Берлин.

Своим первым боевым орденом Красного Знамени Федор Михайлович Орлов был награжден за взятие Перекопа в должности помощника командующего Запасной Украинской армией (приказ Реввоенсовета республики № 524, 1920 года).

Вторым орденом Красного Знамени Ф. М. Орлова наградили за успешную ликвидацию укреплений противника и освобождение г. Вереи по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 марта 1942 года.

В июле 43-го 65-летнего Федора Михайловича Орлова, как бывшего командира 160-й стрелковой дивизии, к ордену Отечественной войны 2-й степени представит командующий 33-й армией генерал-лейтенант В. Гордов: «Полковник ОРЛОВ Ф. М. с первых дней Отечественной войны вступил в ряды народного ополчения и принимал активное участие в формировании 6-й ополченческой дивизии, преобразованной впоследствии в 160-ю стрелковую дивизию».

С октября 1941 года по 26 января 1942 года, будучи командиром 160-й стрелковой дивизии, участвовал в боях по разгрому немцев под Москвой. В январе 1942 года тов. ОРЛОВ осуществил ряд успешных операций по уничтожению вражеских опорных пунктов под городом Верея. В этих боях 160-й стрелковой дивизией было освобождено 22 населенных пункта, и противник понес крупные потери в живой силе и технике.

В дальнейшем, развивая наступление, в январе 1942 года дивизией было захвачено еще несколько населенных пунктов.

При прорыве вражеской обороны в районе дер. Износки Смоленской области тов. ОРЛОВ был тяжело контужен.

Полковник ОРЛОВ Ф. М. достоин награждения орденом **ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ**».

В судьбе Федора Михайловича было много потрясений, но всякий раз он находил в себе те самые неведомые силы, чтобы выстоять, и продолжал жить. Его русский характер, по сути, не имеет аналогов. Такие люди рождаются один раз в сто лет, как рождаются люди великие...

С 1920 по 1921 год Орлов был командующим Харьковским военным округом. С 3 декабря 20-го этот округ вошел в подчинение командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма. В мае 21-го в состав округа вошли территории Николаевской и Одесской губерний. Войска округа привлекались для борьбы с бандитизмом на Украине. К слову сказать, именно с Орлова должность окружного военного комиссара (до этого) стала именоваться – командующий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.